

5
1848
А. И. Левновский

**ТРЕТИЙ МИР
В СОВРЕМЕННОМ
МИРЕ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

А. И. ЛЕВКОВСКИЙ

ТРЕТИЙ МИР В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

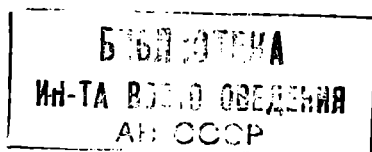
(НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
МНОГОУКЛАДНЫХ ГОСУДАРСТВ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1970

33M21

Л 37

Главная тема книги — социально-экономическая противоречивость положения стран третьего мира в современном мировом хозяйстве, существо многоукладности, проблемы борьбы молодых суверенных государств за экономическую самостоятельность.

1-11-4

10-70

ВВЕДЕНИЕ

Проблема «третьего мира» появилась сравнительно недавно, после того как распалась колониальная система и на арену самостоятельного развития вышли десятки молодых государств. Возникновение проблемы такой колоссальной значимости знаменует рождение нового качества в мировых отношениях. Произошло кардинальное изменение внешнего аспекта внутреннего общественного развития стран огромного ареала нашей планеты. Проживающая здесь большая часть населения Земли перестала быть объектом истории и становится равноправным творцом ее. Особое место многочисленной группы стран в современной действительности удачно, на наш взгляд, сфокусировано в термине «третий мир». С этого термина давно пора снять кавычки, ибо он отражает реально существующее, а не придуманное явление.

Неповторимость его определяется специфичностью не индивидуальных особенностей государств данной группы, а общих для них коренных признаков. Оттого так важно выделение и изучение важнейших показателей, характерных для всех этих государств в целом. Анализируя различные проблемы социально-экономической действительности третьего мира, мы не можем ограничиваться рамками отдельных стран, хотя должны опираться на результаты страноведческих исследований.

Возникновение третьего мира и его нынешнее состояние обусловлено продолжительным действием губительной для него особой комбинации внутренних и внешних экономических, политических и военных факторов. Долгое время преобладающими были внешние факторы, связанные со становлением и развитием западного капитализма. Именно он, особенно в XIX—XX вв., явился главным источником глубочайшей деформации жизни порабощенных стран, в первую очередь их социальной и экономической систем. Западный капитализм, кроме того, предельно неравноправно включил их в создававшееся им мировое разделение труда и обмена. Естественно, что

устранение, изживание «органических» бед этих стран не может происходить изолированно. Возрождение их может быть достигнуто лишь при соответствующем сочетании необходимых внутренних и внешних факторов. Но как первые, так и вторые претерпели в наши дни кардинальнейшие изменения.

Становление третьего мира, борьба освободившихся стран за свое возрождение протекают в обстановке упадка мирового капитализма и развития социализма уже в ряде государств. В результате крепнут возможности складывания более или менее благоприятных для экономического прогресса внешних факторов. Усиление социалистической системы ведет к важным переменам в планетарном масштабе и подготавливает предпосылки для налаживания нового типа экономических связей между хозяйственно развитыми и отставшими районами Земли. В то же время закат капитализма заставляет правящие круги империалистических держав идти на определенные уступки для продления сроков его существования и принимать меры, невиданные в предшествующие периоды капиталистической эволюции.

Третий мир экономически нуждается в налаживании эффективных связей с хозяйственно передовыми государствами и проведении планомерной, т. е. согласованной и скоординированной внешнеэкономической политики. Подобный тип связей, понятно, отвечает характеру социалистического способа производства, но не соответствует «внутри» капиталистического строя, несмотря на все попытки его апологетов доказать обратное.

Коренные интересы социалистических и освободившихся стран, касающиеся долгосрочного развития мировых экономических отношений, во многом совпадают. Налицо прочная основа для совместных, союзнических действий по установлению новых элементов мирового хозяйства и ограничению, пресечению отрицательных моментов, связанных с практикой империалистических монополий и созданной ими системой межгосударственных экономических контактов.

Вследствие этого возникает проблема преодоления технико-экономических и социально-экономических препятствий внутреннего и внешнего порядка, ограничение и устранение которых служит неперенным условием складывания системы равноправных и взаимовыгодных связей на планете. По сути дела, речь идет о специфическом

взаимодействии производительных сил и производственных отношений внутри третьего мира и на мировой арене.

Правильное понимание сегодняшнего состояния третьего мира и возможных тенденций в его эволюции в будущем неизбежно предусматривает анализ технико-экономических и социальных препятствий, мешающих достижению указанной цели и созданию необходимых условий для ее реализации.

Два важнейших комплекса социальных факторов каждый в своей области решающим образом влияют на положение дел в третьем мире. Остановимся сперва на внешнем комплексе проблем, прежде всего экономических. Они показывают нынешнее его место в мировом разделении труда, в частности принципиально различное состояние производительных сил в хозяйственно передовых и развивающихся странах. Эти группы государств все чаще противопоставляются друг другу, что в определенной мере отражает новый феномен в международных отношениях и одновременно искажает его суть. Впрочем, само такое искажение начинают трактовать упрощенно, и это в свою очередь ведет к теоретическому и практическому «перекоосу».

Противопоставление стран экономически развитых (по современным стандартам) странам, стремящимся к хозяйственному подъему, лежит в особой социологической плоскости. Оно как бы завершает развитие противоречия между трудом физическим и интеллектуальным (или неквалифицированным и квалифицированным), между деревней и городом и проявляется уже в противостоянии государств в масштабе всей планеты, т. е. как бы на самом высшем уровне. Перед нами особый тип этого специфического социологического противоречия, порождаемого общественной эволюцией, которая выходит за пределы одной формации. Подобные категории общественного контраста нельзя прямо связывать с определенной расстановкой классовых сил, но в каждый данный момент они несут вполне конкретную классовую нагрузку. Так, несмотря на то что в различии между городом и деревней проступает ряд важных черт, создающих основу для реального существования этих понятий, последние всегда конкретны. Мы говорим о рабовладельческом, феодальном, капиталистическом и социалистическом городе или об антагонизме феодальной деревни и капиталистического города и т. д. Правильность этого подхода

подтверждается и анализом сегодняшнего положения хозяйственно передовых и отставших наций. Первые иногда уподобляют мировому городу, хотя всем, кто смотрит объективно, видны два принципиально отличных типа города — капиталистический и социалистический.

Надо сказать, что элемент антинаучности (или преднамеренного искажения) может таиться и в противопоставлении деревни городу (вообще). Абстрактной деревни в реальной жизни не бывает, как не бывает и абстрактного города. «Левореволюционные» догматики особенно тщательно замазывают эту сторону проблемы. И не случайно. Обнажить классовое нутро деревни в третьем мире означало бы для этих догматиков показать свои классовые симпатии, которые сильно разнятся от декларируемых. Деревня в развивающихся странах имеет свою специфику, отделяющую ее от деревни капиталистических и социалистических государств. Помимо колоссальной отсталости производительных сил, невиданной живучести всевозможных предрассудков и разнообразных устаревших социальных институтов ее отличает преобладание натурально-патриархального и мелкотоварного укладов. Как правило, эти два уклада тесно переплелись, и с учетом данного обстоятельства деревню в значительном числе, если не в большинстве государств третьего мира можно, конечно, с известной долей условности охарактеризовать как *мелкотоварную*. Хорошо известно, что она жестоко страдает от гнета феодально-помещичьей, империалистической, внутреннекапиталистической и государственно-бюрократической эксплуатации. Мелкотоварное производство здесь существует и развивается в чрезвычайно трудной обстановке. Устранение одного или нескольких препятствий еще не создает всех необходимых предпосылок для его нормальной эволюции.

Таким образом, есть город и город, деревня и деревня. Реальное сочетание общесоциологического и классового содержания этих общественных категорий всегда конкретно и зависит от места и времени. Аналогичное надо сказать о преодолении противоречий между определенным городом и определенной деревней. Поэтому противопоставление экономически развитых и экономически отставших стран в общей форме недостаточно, оно нуждается в дальнейшем раскрытии и уточнении, ибо в противном случае неизбежно появление серьезных научных и политических искажений и ошибок. В частности,

в зависимости от того, какая именно хозяйственно развитая страна имеется в виду, будет меняться и характер ее противоречий со слабо развитым государством. Содержание, цели, методы взаимоотношений между капиталистическими и развивающимися странами и между последними и социалистическими государствами принципиально разнятся.

Стихийность экономического развития, свойственная всем досоциалистическим формациям (речь идет как о внутреннеэкономической жизни отдельных стран, так и о внешнехозяйственных связях), явно не способствует решению сложнейших проблем хозяйственного подъема освободившихся стран. Интернациональные усилия, направленные к истинной нормализации внешнеэкономических отношений этих стран с развитыми, не могут быть больше результатом игры стихийных сил. И в этой области нужны планомерные, целеустремленные действия, опирающиеся на научное осознание функционирующих здесь объективных законов. Ныне потребность в согласованных программах внешнеэкономических связей в планетарном масштабе вырастает не только из усиления общественного характера производства в капиталистических государствах Запада и (особенно) из существа социалистического общества на части земного шара, но и из объективных нужд третьего мира. Это еще один важнейший, сравнительно недавнего происхождения, показатель необходимости социализма, еще один серьезный аргумент в пользу желательности его скорейшей победы во всем мире.

Обратимся далее к внутренним социально-экономическим факторам, влияющим на положение государств третьего мира. Как известно, каждый тип общества, фигурально выражаясь, имеет свой двигатель, свой особый мотор, определяющий суть конкретного общества, быстроту и возможные тенденции его эволюции. Марксизм находит этот двигатель в производственных отношениях.

Марксистский анализ обнаружил основные закономерности развития капитализма и — в значительной степени — предшествующих ему формаций. Однако преимущественным объектом изучения до недавнего времени были «чистые» производственные отношения, переходным же их состояниям уделялось несоизмеримо меньше внимания, хотя В. И. Ленин всегда настойчиво призывал к их изучению.

Уже первые исследования многих аспектов социально-экономической и политической действительности стран третьего мира показали, что их удивительное своеобразие непосредственно связано с доминированием «переходных форм», к которым нельзя механически применить результаты анализа «западных» типов общественного развития. Особенности освободившихся стран столь велики, что складывается и крепнет убеждение в возможности говорить о качественно иных видах общественной эволюции. Но каких? Попытки ответить на этот вопрос упираются в серьезнейшие трудности. Очевидна разногласица и в литературе. Начальная реакция людей, сталкивающихся с данным явлением, относительно проста: огромное своеобразие и даже иное качество объясняется некой рыхлостью, недифференцированностью общественных процессов в этих странах. Непроизносимый и, должно быть даже не всегда четко осознаваемый, общий вывод таков: пройдет срок, явления «прояснятся» и станут в целом похожими на что-то «нормальное» (знакомое), поддающееся анализу. Подобный подход демонстрировал, конечно, субъективную «аморфность» представлений об объективной реальности развивающихся стран, что в какой-то мере отражало определенный этап изучения третьего мира.

Такие объяснения не могли не быть преходящими. И не только потому, что не все были согласны с ними, но и потому, что они ничего не объясняли и сами нуждались в объяснении. Ныне в науке созревает явное противоречие между существенными продвижениями в раскрытии отдельных общественных явлений (или их некоторых аспектов) и потребностью в комплексном осознании общего состояния и качества общественного развития третьего мира. Отсутствие такого осознания все больше препятствует и углублению «частных» исследований и особенно обнаружению «стыков» между уже открытыми явлениями, а также значений и последствий их возможных взаимодействий и т. д.

Намечаются ли реальные пути решения указанного противоречия? Намечаются, но крайне медленно. Пожалуй, одними из первых проблему если не осознали, то во всяком случае затронули некоторые политэкономы, высказавшие предположение, что речь идет о специфическом способе производства с присущими лишь ему закономерностями. По нашему мнению, подобный путь изу-

чения реальных процессов общественного развития третьего мира все же не способствует раскрытию его сущности.

В данной области перспективными представляются нам те направления, которые акцентируют внимание на господстве переходных форм общественных отношений и т. п. Если остановиться только на этих утверждениях, то можно также зайти в тупик ложной гипотезы; нужно обязательно сделать следующий шаг: раскрыть конкретное содержание слова «переходность».

Социальный облик развивающихся стран начал проявляться совсем недавно. Углубленный анализ социально-экономической действительности этих стран позволил нащупать, на наш взгляд, главное в ней, а именно: *уклады*. Существование разных укладов, т. е. принципиально различных социальных типов хозяйствования, — показатель великого столкновения самых противоположных тенденций в общественной эволюции. Причем имеются в виду не мелкие вкрапления отживших способов производства в гранит определенной социально-экономической формации, а сосуществующие крупные (массовидные) «куски» производственных отношений, противоборствующих и вместе с тем скрепленных сложнейшими и меняющимися связями. Перед нами смесь относительно сильных и устойчивых укладов. Это — стойкая *многоукладность*. Именно потому государства в мире делятся, если принять общий критерий, на капиталистические, социалистические и многоукладные.

Впервые научный разбор явления многоукладности произвел В. И. Ленин; он же показал пример блестящего политико-практического использования полученных из него выводов. Объектом исследования была дореволюционная, потом послереволюционная Россия. В. И. Ленин дал классический образец диалектического анализа при изучении сочетания общего и частного в проблеме многоукладности. Помня эти выводы, мы, например, гораздо лучше можем понять глубину его критики концепций «чистого империализма», «чистого капитализма». Однако огромное значение ленинского анализа мы начинаем осознавать именно сейчас, когда обнаруживается во многом сходный феномен в странах третьего мира.

Многоукладность — важнейший показатель подспудных процессов переходного (калейдоскопического) со-

стояния производственных отношений. Историческая смена одной формации другой до сих пор была обязательно связана с сосуществованием в течение длительного периода элементов как старых, так и новых производственных отношений. Растущее внимание общественных наук к переходным состояниям общества, надо думать, приведет к открытию специфики многоукладности при различных переломах, при складывании той или иной формации. Для Африки, Азии и других районов третьего мира результаты подобных открытий представят не просто познавательный, но и самый что ни на есть актуальный интерес, поскольку это во многом — раскрытие важных аспектов их сегодняшней действительности. И все же нас в данном случае занимает не проблема переходности вообще, а переход в конкретных условиях и в определенное время. То же следует сказать и о многоукладности, ибо существует *несколько принципиально* разных ее типов с разновидностями внутри каждого типа.

В сегодняшнем третьем мире многоукладность особая. Конечно, у нее есть немало общего с той, которая была в Советской России при нэпе, оттого опыт нашей страны имеет важное значение для нынешних многоукладных государств, содействуя нахождению оптимальных вариантов при решении актуальных проблем их развития. Но в целом третий мир демонстрирует ее отличие, обусловленное в первую очередь спецификой социально-экономической эволюции этих государств в последние несколько веков. До появления европейских колонизаторов на большей территории Африки (речь идет о тропической части континента) складывавшийся там феодализм сочетался с огромными пластами предшествовавших форм производства (особенно первобытнообщинного). В основных районах Азии давно утвердившийся феодализм сосуществовал с более древними видами социально-экономических устройств, значимость и распространенность которых здесь были неизмеримо большими, чем в «европейских» видах феодализма.

Экономическое, а затем и политическое вторжение колонизаторов, означавшее всемирное расползание западного капитализма, кардинально изменило ход общественной эволюции порабоцевавших стран. Заморские захватчики стремились только к одному — к максимальной выкачке богатств. Они, насколько это было возможно, использовали в своих интересах многие разно-

видности «туземных» типов производства. Тем самым достигался двойственный эффект: с одной стороны, консервировались традиционные виды общественного производства, с другой — подрывалась, искажалась их внутренняя суть. Противоречивое влияние капиталистической колонизации привело к дифференцированию местных докапиталистических укладов. Некоторые приспособлялись к различным этапам колониальной эксплуатации лучше, некоторые хуже. С наступлением эпохи монополистического капитализма в колониальных и полуколониальных странах под влиянием внешних и внутренних факторов началось мучительнейшее становление капиталистических укладов. Часть их привносилась извне иностранным монополистическим капиталом, часть появилась в результате развития местного капитализма. Так под прессом колониальной эксплуатации сложилась основа специфической многоукладности третьего мира.

Внешне перед нами предстают многие из тех укладов, о которых писал В. И. Ленин применительно к послереволюционной России. Суть каждого из них, естественно, та же. Однако у каждого уклада в странах третьего мира (по сравнению с иными районами планеты) наблюдаются очень существенные особенности, поэтому прямое перенесение выводов, полученных при исследовании укладов в иное время и в иных странах, на уклады в третьем мире неправомерно.

Эти особенности связаны с еще одним отличительным признаком — с *необычным* для самостоятельных государств Запада *сочетанием отдельных укладов*, их удельным весом в общей смеси и даже количеством компонентов-укладов. В таком переплетении множества укладов и заключен *двигательный центр* социально-экономической эволюции молодых государств, здесь таится разгадка сложности последней. Конечно, любое из них обладает, так сказать, вторичным рядом особенностей в структуре многоукладности, проводящих водоразделы уже внутри третьего мира. В этом многообразии проступает неодинаковость исторического пути и, на что хотелось бы обратить внимание, неравномерность изменений (движения) укладов в отдельных странах. К рассматриваемой проблеме применимо известное положение о том, что пространственные различия зачастую отражают различия временные, т. е. разные стадии эволюции многоукладности одновременно наблюдаются в разных государствах. Класси-

фикация их по этому признаку (по состоянию многоукладности) создает основу для научного анализа настоящего и предвидения ближайшего будущего огромной части планеты.

В данной части земли многоукладность скрывает в себе такую особенность, которая, как правило, отсутствовала в других странах на перевалах их социальной истории (хотя некоторые элементы ее прослеживаются в России). Уже говорилось, что наличие многоукладности — главный показатель переходного периода от господства одной социально-экономической формации к другой. Протяженность перехода в зависимости от способа производства и страны, степень его завершенности были различны, но суть не менялась. В современных многоукладных государствах положение сложнее. Борьба протекает не просто между отмирающей и нарождающейся формациями, когда последняя рано или поздно одерживает победу и становится господствующей. В них в результате необычного сочетания внешних и внутренних факторов заложена объективная возможность нескольких вариантов развития, утверждения не одной, а одной из двух конкурирующих, новых для этих государств формаций. Характер многоукладности в большинстве стран третьего мира можно со значительным допуском (ибо отмечается в первую очередь консервативная, «положительная» сторона противоречия) определить как феодально-колониальный. Нынешние изменения в многоукладности проистекают из борьбы противоположных начал (за каждым из которых стоят те или иные уклады, точнее их комбинации) за сохранение или за преодоление феодально-колониалистской структуры.

Для молодых государств возникает необходимость выделения капиталистических укладов. Нужно упомянуть поначалу хотя бы три из них: 1) иностранное (обычно монополистическое) предпринимательство; 2) местное развитое частное предпринимательство (в котором в целом произошло реальное подчинение труда капиталу); 3) низшие (дофабричные и сходные с ними) формы капиталистического предпринимательства (как правило, наиболее значительный по числу занятых уклад). Между этими укладами устанавливаются крайне противоречивые отношения ожесточенной борьбы и относительного сотрудничества (точнее — соподчинения).

Каждый уклад — это особый тип производственных от-

ношений, со своими специфическими законами развития. Среди них есть уклады, отживающие свой век, есть stagnирующие и есть поднимающиеся (с разной быстротой), растущие. Но они существуют не изолированно друг от друга. Вся сложность проблемы, после того как проанализированы отдельные уклады, заключается в отыскании новой закономерности, возникающей из-за их взаимодействия. Последнее протекает в разных формах, но в целом сводится к жестокой конкуренции, чаще всего к смертельной борьбе. Конкретное «сложение» закономерностей эволюции отдельных укладов может давать в каждом отдельном случае (страна, период) бесконечное число вариантов, раскрытие которых — задача страноведческих исследований. Отыскание общих тенденций эволюции определенной многоукладности может быть осуществлено лишь на примере всех или большинства стран третьего мира. Приблизительно то же надо сказать и о характеристике тех или иных укладов.

Многоукладность не только наполняет конкретным содержанием понятие «переходности», но и проясняет *суть и этапы* переходного периода в развивающихся странах. В широком политэкономическом значении такой период охватывает время смены одной общественной формации другой, время подавления или приспособления к своим нуждам остатков умирающей формации. Следовательно, в этом смысле он заканчивается установлением экономического (и политического) господства одного уклада и тем самым приобретением им иного качества.

При досоциалистических способах производства типы, сроки и формы смены были предельно разнообразны. Для преобладающей части стран, составляющих сегодня третий мир, были характерны крайне длительные, затяжные переходные периоды и огромная незавершенность процесса вытеснения прежних видов производства, обнаруживавших невероятную живучесть и приспособляемость. Колонизаторы, значительно подорвав те виды общественного производства и устройства, которые существовали до того в захваченных районах, создали совершенно невиданное в мировой истории соотношение укладов. Таким образом, насильственное включение колониальных и полуколониальных стран в систему мирового капиталистического разделения труда и торговли совершалось на неравноправной основе и сопровождалось выгодными колонизаторам сдвигами внутри этих стран.

Завоевание политической независимости и распад колониальной системы империализма кардинально изменили обстановку. Однако преодоление негативных и создание благоприятных *социальных* условий для экономического развития освободившихся государств возможно лишь в результате точного учета международных и внутренних аспектов, сложно соотносящихся между собой. Найти в каждом случае (стране и периоде) реальность (меру и тип) данного соотношения — задача нелегкая. К тому же весь комплекс упомянутых, а также не затронутых выше вопросов в конечном счете зиждется на вполне определенном уровне развития производительных сил в третьем мире и на их специфической структуре, что тоже порождено комбинированным влиянием внешних и внутренних причин. Чтобы разобраться в противоречивом взаимодействии различных социальных факторов, их желательно рассмотреть на конкретном материале (и в проявлении) главных производственно-экономических проблем. По нашему мнению, только на подобных узловых проблемах можно выяснить и лучше понять действительное влияние международных и отечественных факторов на изменение производительных сил и производственных отношений (и их органическое единство и противоречивость), на положение в третьем мире сегодня и возможные направления его эволюции в ближайшем будущем.

Анализ некоторых центральных конкретно-экономических проблем позволяет полнее осветить неокOLONиалистскую политику империалистических держав и современную практику международных монополий.

Другая часть формулы — нужное сочетание благоприятных внешних и внутренних факторов — заключается в следующем: главная ответственность за экономическое развитие стран третьего мира ложится на них самих, они должны максимально полно мобилизовать собственные резервы. Это одна сторона проблемы, ее внутренний аспект, вторая состоит в необходимости осуществления внешнеэкономических связей для хозяйственного подъема. Лозунг «опора исключительно на собственные силы» в лучшем случае утопичен, ибо «выбирать» можно лишь между источником, объемом и условиями внешней хозяйственной помощи, могущей поступать в разной форме и преследовать самые разные цели. Нужда в помощи, как и вообще в росте мировых экономических контактов,

объективно увеличивается. Внешние факторы, важные для развития многоукладных государств, лежат, естественно, вне сферы их влияния и контроля, хотя желание добиться в какой-то степени как первого, так и второго велико и сказывается в их внешней политике, в образовании и деятельности ряда международных организаций.

Движение внешних и внутренних факторов, естественно, зависит от неодинаковых условий и протекает относительно сепаратно. Многоукладные государства в идеале заинтересованы в оптимальном для них сочетании обеих групп факторов и соответствующем их изменении. В современной обстановке, однако, остро чувствуется одно из серьезнейших противоречий — между возрастающей потребностью экономически отставших государств во внешней поддержке и относительно уменьшающейся возможностью развитых стран оказывать ее. Последнее на первый взгляд резко расходится с действительностью: бурный рост производительных сил, связанный с научно-технической революцией, порождает невиданные доселе возможности для хозяйственного подъема всех стран. Однако прогрессирующее загнивание производственных отношений в капиталистических державах ведет к крайне быстрому возрастанию паразитических и вообще непроизводительных расходов как в них самих, так и в мире в целом. Наиболее наглядно это выражается в гонке вооружений. В итоге увеличивающиеся возможности экономически развитых государств не могут в должных масштабах быть использованы для оказания помощи многоукладным странам.

Реальность самого третьего мира и специфичность его эволюции допустимо проследить лишь путем выделения его главнейших и наиболее общих признаков, определяющих и его качественное отличие от других групп государств. Вокруг этих признаков в свою очередь складываются различные по сочетанию типы внутренних и внешних технико-экономических и социально-классовых факторов. Данная брошюра посвящена анализу лишь некоторых экономических пластов многослойной структуры третьего мира, поэтому разбор главных признаков ведется на базе конкретных, ключевых узлов производственно-социального развития. Подобный подход, на наш взгляд, позволяет привлекать обширный фактический материал для показа тех или иных экономических

явлений и одновременно раскрывать глубинные процессы, составляющие основу их движения.

Конечно, мы ни в коей мере не претендуем на выделение всех важнейших частей производственно-отраслевого «скелета», вокруг которого крепится социально-экономическая «мускулатура» общественно-классовых проблем, и свою главную задачу видим в том, чтобы вычлениить подлинную материальную основу и, главное, социальное содержание объективно действующих на огромной территории земли специфических законов общественного развития, которые еще только начинают изучаться.

НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ ТРЕТЬЕГО МИРА

Хорошо известно, что человек в эксплуататорском обществе привлекает внимание лишь как объект либо как средство достижения или удержания богатства, власти. Не удивительно, что он в таких обществах, несмотря на прогресс, незащищен перед враждебными ему природными и социальными силами. Конечно, все это относится преимущественно к трудовому люду, к неимущим классам.

Производственные отношения — важнейшая причина бедственного положения народных масс при досоциалистических формациях. Социальное существо конкретного способа производства, нужды господствующих при нем эксплуататорских классов, что показал еще К. Маркс, весьма наглядно демонстрируются законами народонаселения. Социальный фактор выступает решающим в функционировании этих законов. Последние меняются вместе с характером общества, этапами его развития и со спецификой отдельных стран. Говорить о действии социального фактора вообще, как принято на Западе, недостаточно, ибо иногда другому, природному фактору отводят главную роль и, кроме того, первый различен и вызывает неодинаковые закономерности в разных обществах.

В наши дни происходят резкие сдвиги в действии законов народонаселения и в факторах, влияющих на него. Впервые появляются серьезные признаки возникновения всемирного закона народонаселения. Однако подобная тенденция наталкивается на преграды в виде отживающих социально-экономических и политических структур. В результате «региональные» законы никак не перерастают в единый интернациональный, хотя отдельные приметы его и, главное, потребность в нем налицо. В конечном

счете это — особый аспект проблемы складывания нового и единого социального строя на планете. Элементы будущего закона народонаселения мирового социалистического общества зарождаются уже сейчас, как и многие задачи, которые ему предстоит еще долгие годы решать.

Переходное состояние социального строя на нашей планете создает весьма запутанное положение и с проблемой народонаселения.

Стремительное возрастание числа обитателей Земли — факт реальный. В 1920 г. на планете насчитывалось 1,9 млрд. человек, в 1960 г. — уже 3 млрд., в 2000 г., по «средним оценкам», число их превысит 6 млрд. [4, 92]* К середине XXI столетия оно достигнет 11 млрд. и где-то во второй половине этого столетия — 14—15 млрд. Действительно происходящее и предсказываемое увеличение численности населения подобно взрыву. Чтобы лучше разобраться в нем, нужно определить, где его центр.

За 1920—1960 гг. численность жителей экономически развитых государств поднялась с 674 млн. до 976 млн. Ожидается, что к 2000 г. их будет около 1,5 млрд. Многоукладные страны за тот же период показали рост с 1187 млн. до 2020 млн. человек, а по прогнозу к концу столетия они будут насчитывать почти 4,7 млрд. По «средним» данным, к середине XXI столетия в первой группе стран будет проживать 2 млрд., а во второй — 9 млрд. человек. Из названных 14—15 млрд. 80—90% придется на государства теперешнего третьего мира [4, 92, 94].

Конечно, точность этих подсчетов, принадлежащих экспертам ООН, относительна. Более чем вероятно, что в многоукладных странах осуществляются кардинальные социально-экономические преобразования, что их будут сотрясать политические и иные бури. Все это вряд ли делает возможным гладкий рост населения и, наверно, даст новые кривые его изменений. Кроме того, уже нельзя не замечать крепнущую тенденцию к *географическому перемещению* населения из развивающихся в хозяйственно передовые страны. В наши дни многое мешает ее нормальному проявлению. Можно думать, что после ликвидации социальной разобщенности мира эта тенденция сыграет

* Здесь и далее первая цифра в квадратных скобках обозначает номер, под которым в списке использованной литературы помещена та или иная работа, вторая цифра обозначает страницу.

важную роль в разрешении проблемы народонаселения и существенно изменит нынешние предположения о его будущем размещении.

И все же приведенные цифры показывают наиболее общее направление географических перемен в распределении народонаселения. Эпицентр «демографического взрыва», как свидетельствуют материалы сегодняшнего дня и прогнозы на будущее, находится и на какое-то время останется в странах третьего мира. По темпам роста населения они вдвое превосходят экономически развитые государства. Внутри третьего мира также отмечается определенная неравномерность. Пока впереди идет Латинская Америка, давшая за 1955—1965 гг. ежегодный прирост населения 2,8%, в 1965—1980 гг. ожидается увеличение процента до 2,9. По Ближнему Востоку цифры соответственно равняются 2,6 и 2,8%, по Дальнему Востоку (без Китая) — 2,3 и 2,5, по Африке — 2,3 и 2,5%. В целом темпы роста населения в многоукладных странах составят в 1965—1980 гг. 2,58%, а в развитых — 1,13% [4, 18, 68, 91].

До 40-х годов XX в. население порабощенных империализмом стран росло медленно, а в некоторых районах просто вымирало. В периоды массовых эпидемий и голода наблюдались случаи абсолютного сокращения его численности в ряде крупных стран Азии, Африки и Америки. Жесточайшая эксплуатация угнетенных народов вызвала серьезную трансформацию закона народонаселения в этих государствах. Законы докапиталистических формаций (в том числе и народонаселения) должны были приспособиться к действующим на них извне силам капиталистического способа производства. Большое потомство стало гарантией сохранения рабочей силы, социальным обеспечением для престарелых, средством сохранения рода.

Ликвидация или ограничение политического господства иностранного монополистического капитала после второй мировой войны решительно оздоровили внутреннюю социальную обстановку, появилась возможность приступить к применению последних достижений мирового здравоохранения (антибиотики, средства современной санитарии, контроль над эпидемиями и т. д.). В результате постепенно сложившийся механизм народонаселения, объективно направленный на преодоление губительных воздействий колониализма, внезапно начал функциониро-

вать в условиях, когда это воздействие значительно уменьшилось и когда стали более или менее доступными плоды развития производительных сил в экономически передовых частях света. Защитная общественная реакция, выработанная за долгие десятилетия и освященная сложной системой национально-религиозных обычаев и институтов, вдруг стала гораздо сильнее ослабевших социальных барьеров, преодолевать которые она была призвана. Иными словами, теперешний «демографический взрыв» в третьем мире — *неизбежное следствие* затяжного колониального угнетения и торможения нормальной (естественной) социальной эволюции стран трех континентов.

Заметное снижение смертности (из-за указанных перемен) во многих многоукладных странах не сопровождается соответствующим сокращением рождаемости. В ближайшие десятилетия разрыв в соотношении этих показателей между экономически развитыми и хозяйственно отсталыми государствами будет увеличиваться. Так, примерное соотношение смертности и рождаемости (на 1000 человек) в первой группе в среднем за 1960—1965 гг. составляло 8,6 и 20,0, на 1995—2000 гг. ожидается 9,6 и 18,3, во второй группе — соответственно 19,2 и 40,4, а на рубеже этого и следующего столетий — 9,2 и 28,0 [4, 95].

В итоге возникают и в течение длительного периода сохраняются важные (в том числе политически) отличия в возрастном составе населения. Основная масса жителей государств третьего мира сравнительно все больше молодеет. Так, в Бразилии, Индии и Пакистане на долю юных граждан (до 15 лет) приходится 42—47%. В Западной Африке примерно 50% жителей — дети от 14 лет и ниже. Таким образом, отношения двух групп стран, фигурально выражаясь, чем-то начинают напоминать отношения людей молодого и среднего возраста. Для третьего мира подобное положение создает [→] и, наверно, создаст еще на какой-то период — серьезные трудности; удельный вес нетрудоспособных 85 на 100 (в развитых странах — 57) становится чрезмерно большим [33, 16].

Рост населения в экономически развитых и экономически отставших странах не только различен по темпам, но и неоднороден по производственно-отраслевым и социальным признакам. Так, во второй группе налицо *абсолютное увеличение* численности сельскохозяйственного населения. В 1950 г. оно здесь (без Китая) равнялось

781 млн. (65% всего населения) и в 1965 г. — 1073 млн. (64%). По отдельным континентам это увеличение происходило, естественно, неравномерно: в Азии 522 и 730 млн., в Африке — 165 и 230 млн., в Латинской Америке — 94 и 113 млн. человек. В те же годы наблюдались интенсивные процессы *абсолютного* (с 242 млн. до 186 млн. человек) и особенно *относительного* (с 33 до 21%) сокращения сельскохозяйственного населения в первой группе стран [33, 22, 23]. Следовательно, внешне перед нами предстают, с одной стороны, государства с преобладанием сельского, с другой — государства с преобладанием городского населения.

За производственно-отраслевым движением народонаселения скрывается и принципиально отличное движение общественных отношений. В странах третьего мира наблюдались изменения в многоукладности, в том числе определенное расширение сферы деятельности простого товарного производства и низших форм капитализма, т. е. тех видов, которые быстро угасают в сельском хозяйстве капиталистических держав Запада.

АГРАРНО-СЫРЬЕВАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ

Несмотря на особенности, существующие в экономике разных стран юга планеты, всем им свойственна аграрно-сырьевая специализация народного хозяйства и соответствующая ей структура экспорта. Это определяет особое место третьего мира в нынешнем мировом разделении труда (табл. 1). Именно сюда стягиваются основные нити кардинальных проблем перестройки производственно-отраслевой структуры экономики многоукладных государств.

Данные табл. 1 показывают, что государства третьего мира потеряли былую монополию на производство ряда продовольственных и сырьевых изделий, но еще обладают монополией на выращивание некоторых тропических пищевых продуктов и сельскохозяйственного сырья. Сильны их позиции и в добыче стратегического минерального сырья. Хотя доля этих стран в мировом производстве продовольствия и сырья обнаруживает отчетливую понижательную тенденцию, структура их народного хозяйства еще крайне недостаточно реагирует на происходящие изменения. Это демонстрируют сведения о составе экспорта

Таблица 1

Доля многоукладных стран в мировом производстве важнейших сырьевых и продовольственных товаров и сдвиги за десятилетие*, %

Товар	Данные за 1963—1965 гг.**	Средние темпы роста с 1953—1955 по 1963—1965 гг.	
		капиталистические развитые страны	многоукладные страны
Продовольствие и табак			
Пшеница	28	3,0	1,2
Другие грубые зерновые	32	2,7	2,4
Рис	87	2,1	3,3
Сахар	57	3,6	3,9
Мясо	26	3,4	1,9
Животные и растительные жиры	42	3,7	2,3
Цитрусовые	40	2,3	5,0
Кофе	100	—	5,5
Какао	100	—	5,1
Чай	91	2,1	3,1
Табак	47	1,0	3,4
Сельскохозяйственное сырье			
Натуральный каучук . .	100	—	2,0
Шерсть-сырец	23	2,0	1,4
Хлопок-сырец	54	0,9	3,7
Джут-сырец	100	—	4,8
Жесткие волокна	99	—	3,9
Руды и металлы			
Железо в руде	35	2,2	13,5
Марганцевая руда	75	3,2	3,3
Бокситы	72	7,1	7,6
Алюминий	4	6,8	24,0
Медь в руде	48	4,5	5,1
Медь очищенная	21	4,2	5,4
Свинец в руде	29	2,1	—1,4
Цинк в руде	25	3,7	1,1
Олово в концентрате . .	94	0,4	—1,5
Олово, металл	67	—4,4	—0,2
Нефть	63	2,4	9,6

* [34, 34].

** Без социалистических стран.

и переменах в нем (табл. 2). В середине 60-х годов на вывоз сырья из хозяйственно отставших стран приходилось 88% всего их вывоза по стоимости [22,138].

Структура экспорта многоукладных стран*

Товар	Средняя годовая стоимость, млрд. долл. (цены фоб)			Среднегодовые темпы роста с 1953—1955 по 1963—1965 гг., %
	1953—1955 гг.	1958—1960 гг.	1963—1965 гг.	
Пищевые продукты и табак . . .	8,8	9,2	11,3	2,6
Сырье	6,4	7,0	8,3	2,6
Текстильные волокна	2,0	1,7	2,1	0,7
Сельскохозяйственное сырье . . .	4,3	4,5	4,7	1,1
Руды и scrap	0,9	1,1	1,5	5,7
Цветные металлы	1,0	1,1	1,7	4,8
Несельскохозяйственное сырье	2,2	2,5	3,6	5,2
Различного вида топливо	5,3	7,5	10,5	7,1
Промышленные товары	1,7	2,2	3,9	8,6
Общий экспорт	22,3	26,0	34,1	4,3

* [34, 23].

По мнению экспертов, расхождение темпов роста отдельных статей экспорта, отчетливо обнаружившееся уже в 50-е и 60-е годы, будет сохраняться и в дальнейшем. Это приведет к существенным сдвигам и в самой структуре вывоза многоукладных стран [22, 147].

В послевоенные годы капиталистические державы стали заметно теснить развивающиеся страны в основной для последних хозяйственной сфере — в экспорте сырьевых изделий. Так, вывоз продовольствия и сырья из первой группы стран за десятилетие, окончившееся в 1963—1965 гг., дал средний ежегодный прирост в 5,9%, а из вторых вдвое меньше — 2,6%. Причем особенно важно, что цена единицы вывоза подобных западных товаров в целом не снижалась, а на товары третьего мира падала [34, 7, 8].

Диктат цен, складывающихся в капиталистических державах, все сильнее сказывается на производстве интересующих нас стран. Это объясняется тем, что ряд товаров (или их заменители), монополия на которые раньше принадлежала этим странам, стал в увеличивающихся масштабах выпускаться в экономически развитых государствах. В результате стоимость и цена, связанная с

ней, имеют отчетливую тенденцию определяться общественно необходимым временем, затрачиваемым на производство сходных товаров (или их заменителей) в хозяйственно передовых государствах. Ныне, в обстановке нарастающей научно-технической революции, это время, а следовательно, стоимость зримо сокращаются. В социально-экономическом плане в условиях мирового капиталистического рынка это означает для многоукладных стран кардинальные и опасные для них сдвиги.

Внешнеэкономическое положение их усложняется тем, что производство ряда изделий, на которые нет прямой конкуренции изделий экономически развитых держав, достигло в настоящее время, в условиях мирового капиталистического рынка, как бы абсолютных пределов (конечно, уничтожение всевластия монополий и поддерживаемых ими уродливых социальных явлений покажет огромную относительность этой абсолютности, ибо потребность в определенных продуктах и платежеспособный спрос на них при госмонополистическом капитализме разительно не совпадают). В результате растет относительное перепроизводство ряда товаров и наращивание их запасов. В какой-то мере в этом повинны и корыстные махинации международных монополий. Но факт остается фактом: запасы некоторых продуктов увеличиваются, что губительно сказывается на ценах и текущем производстве в третьем мире (табл. 3).

Таблица 3

Мировые запасы четырех сельскохозяйственных продуктов в процентах к потреблению (средние показатели за два года)*

Календарные годы или сезоны, заканчивающиеся в этот срок	Сахар	Кофе	Какао	Хлопок
1953/54	...	14	28	52
1955/56	...	33	37	58
1957/58	35	42	28	53
1959/60	43	93	30	44
1961/62	39	119	42	43
1963/64	37	119	43	53
1965/66	42	127	42	56

* [22, 146].

Неверно думать, что в перепроизводстве виноваты производители многоукладных стран. Различного рода

протекционизм, проводимый империалистическими державами, стал важным фактором перепроизводства, на пример, хлопка, сахара. В данном явлении отчетливо перекрещиваются две разные, но кардинальные проблемы — многоукладность и необходимость согласованного и планомерного экономического развития в планетарном масштабе.

Общие цифры внешнеторговых связей стран третьего мира (табл. 4) помогают вскрыть главные тенденции, но

Таблица 4

Экспорт пищевых продуктов и сырья из развивающихся стран в основные районы мира*

Вывоз	Среднегодовые изменения в стоимости, %		Фактическая стоимость в 1963—1965 гг., млрд. долл. (по ценам фоб)
	1953—1955 — 1963—1965 гг.	1958—1960 — 1963—1965 гг.	
Пищевые продукты, напитки и табак в			
развивающиеся страны	2,5	4,9	1,9
капиталистически развитые страны	1,6	2,8	7,3
социалистические страны	19,7**	32,0	0,9
Всего . . .	3,0**	4,6	10,0
Промышленное сырье в			
развивающиеся страны	0,2	0,6	1,0
капиталистически развитые страны	1,5	2,3	5,9
социалистические страны	10,9**	4,5	0,9
Всего . . .	1,3**	2,3	7,8

* [22, 10].

** С 1955 по 1963—1965 гг.

не показывают всю глубину внутренних отличий. А она важна. За десятилетие (с 1953—1955 по 1963—1965 гг.) среднегодовой рост вывоза шестидесяти семи таких государств колебался от 19 до —3%. Только тридцать восемь

стран, где проживает менее четверти населения шестидесяти семи стран, превысили средний прирост экспорта (4,3%). Из этой же группы лишь двадцать шесть стран, на которые приходилось 34% экспорта и 15% населения, добились 6% и выше темпов прироста вывоза, причем пять из них не менее 80% поступлений получают от экспорта нефти. Наряду с этим восемнадцать стран (почти 30% населения) показали меньше 3% роста (из них семь — даже отрицательную величину, т. е. падение вывоза) [34, 64, 66].

Существует также группировка изменений темпов экспорта по пятидесяти семи развивающимся многоукладным государствам (табл. 5).

Таблица 5

Темпы роста экспорта пятидесяти семи развивающихся стран в 1953—1955 и 1963—1965 гг.*, процент в год

Число стран	Общая численность населения, % к численности в 57 странах	Общий экспорт в 1963—1965 гг., % ко всему экспорту 57 стран	Темпы роста экспорта
5	1,5	2,8	10,0—14,0
13	14,4	19,1	6,0—9,9
21	33,0	44,0	3,0—5,9
11	22,2	15,2	0,0—2,9
7	28,9	18,9	отрицательный —0,2 до —2,7

* [22, 138].

В структуре народного хозяйства стран третьего мира, и экспорта в частности, прослеживается определенная общность их экономических интересов. И в этом же проявляется их общая экономическая уязвимость; здесь, так сказать, их ахиллесова пята. Аграрно-сырьевой характер экономики в теперешнем его виде и при современном международном разделении труда становится серьезным тормозом не только для хозяйственного подъема, но даже в увеличивающемся числе случаев для поддержания простого воспроизводства. Два решающих фактора лежат в основе данного явления. Один связан с государственно-монополистическим этапом в развитии капитализма на Западе (т. е. с состоянием производственных отношений) и его губительным влиянием на интернациональные хо-

зайственные связи; другой — с возрастающим влиянием современной научно-технической революции на мировую экономику и торговлю (т. е. с изменением в производительных силах). Комплексное действие этих, пусть разнородных, факторов, порожаемых капиталистическим Западом, ставит экономику третьего мира в исключительно тяжелое положение.

В главной области, в производстве сырьевых товаров, это сказывается в усложняющемся сбыте, в трудностях с экспортом. Возникает резкое колебание цен на экспортируемое сырье и отчетливая тенденция к их падению. Так, движение среднегодовых цен на товары, вывезенные из стран третьего мира в 1953—1966 гг., характеризуется следующими цифрами (%) [22, 139]:

Продовольствие и напитки	—1,7
Сельскохозяйственное сырье	—1,0
Ископаемые, включая топливо	—0,3
Цветные металлы	+4,1

Нарастает разрыв между натуральными и стоимостными показателями экспорта. Отдельных продуктов это коснулось, естественно, неравномерно. За десятилетие — с 1953—1955 по 1963—1965 гг. среднегодовые объем и стоимость экспорта некоторых пищевых продуктов из развивающихся стран менялись так (%) [22, 144]:

	Объем	Стоимость
Какао-бобы	4,7	—1,3
Кофе	3,8	—1,0
Бананы	3,4	+2,1
Чай	2,2	+0,8
Сахар (сырец и рафинад)	1,8	+4,0

До настоящего времени значительная доля экспортной выручки поступает от небольшого числа традиционных видов сырья. На середину 60-х годов (1964 г.) шесть подобных товаров (хлопок, шерсть, джут, жесткие волокна, шкуры и кожи, каучук) давали от 5 (Филиппины) до свыше 75% (Чад, Пакистан) экспортных поступлений тридцати двух государств трех континентов. Двадцати государствам (из тридцати двух) вывоз этого сырья обеспечивал не менее 20%, а девяти — более 40% доходов [19, 5].

По степени неустойчивости экспортных цен за ука-

занное десятилетие сырьевые товары делят на три группы. Первая — чрезвычайная неустойчивость цен — включает два наименования (черный перец и вольфрам); вторая — значительная неустойчивость цен — двенадцать (какао, кофе, сахар, джут, натуральный каучук, сизаль, масла, масличные семена, медь, свинец, цинк, марганцевая руда); третья группа — умеренная или значительная неустойчивость цен — девять (чай, рис, хлопок, бокситы, олово и т. д.) [10, 8].

Серьезнейшую опасность для многоукладных стран представляет усиливающаяся конкуренция, вызванная производством синтетических заменителей натурального сырья. Уже в 1964 г. она затронула 34 % (по стоимости) вывозимых товаров из Азии, 30 % — из Африки и 17 % — из Латинской Америки [19, 6, 7]. Рост потребления некоторых синтетических продуктов достиг угрожающих размеров: на одежду, изготовленную из искусственного волокна, в капиталистических странах в 1964—1966 гг. приходилось 61 % (по стоимости) всей одежды по сравнению с 32 % десять лет до того. Потребление синтетического каучука за то же время подскочило с 38 до 63 % от потребления всех видов каучука [19, 3]. На примере Камбоджи можно судить, что подобные общие цифры означают для народного хозяйства отдельных государств. Путем больших затрат и трудов эта страна увеличила с 1951 г. площадь под каучуконосами вдвое, более чем утроила сбор каучука. Экспорт последнего с 1960 по 1967 г. поднялся с 36 тыс. до 49 тыс. т. Однако из-за резкого снижения цен (примерно на 60 %) реальная выручка от его экспорта *сократилась* с 24 млн. до 20 млн. долл.

Колебания цен могут проистекать из-за различных причин: 1) влияния цикла в развитии капиталистической экономики; 2) стихийных бедствий; 3) климатических условий, влияющих на урожай, и т. д. Уменьшение поступлений от экспорта сырья и колебания цен на него сильнее всего бьют по малопроизводительным хозяйствам. В этом вопросе необходимо проводить четкую дифференциацию по укладам, поскольку они на изменение на мировом рынке реагируют весьма неодинаково.

Ухудшение условий внешней торговли для стран, стремящихся к хозяйственному возрождению, прослеживается по многим направлениям, хотя этот процесс, конечно, протекает неравномерно. Согласно выборочным данным, в восемнадцати обследованных государствах с 1953—1955

по 1963—1965 гг. ухудшились условия торговли в диапазоне от $-0,1$ до $-5,1\%$ в год и лишь в пяти улучшились в размере от $+0,1$ до 2% в год [22, 138]. Неэквивалентность обмена сырьевыми экспортными и промышленными импортными товарами имеет тенденцию возрастать. Сказывается помимо всего прочего разобщенность поставщиков сырья из третьего мира и усиливающаяся централизация производства и сбыта индустриальных товаров на госмонополистическом Западе.

Протекционистская стена, ограждающая в интересах крупных аграриев внутренний рынок империалистических держав, также относится к тем причинам, которые отрицательно влияют на основную отрасль хозяйства стран третьего мира. По существующим оценкам, государства «Общего рынка», США и Англия за один год тратили на субсидирование высоких цен (завышенных по отношению к ценам свободного рынка) до 10 млрд. долл. [20, 3]. Путем аграрного протекционизма правящие круги западных держав заметно препятствуют реализации на своих рынках товаров, выпущенных в многоукладных странах при более низких издержках производства, т. е., даже по буржуазным понятиям, душат рентабельные виды хозяйства.

По приблизительным оценкам, эти страны в результате понижения «покупательной способности» от экспорта сырья теряют в год 2,5 млрд. долл.; аграрный протекционизм экономически развитых государств отнимает 2 млрд. долл., и 1 млрд. страны третьего мира «упускают» из-за тяжести «обусловленных» или «связанных» кредитов.

Таким образом, аграрно-сырьевые отрасли подвергаются усиливающимся ударам как на внешних, так и на внутренних рынках. К тому же они не обладают необходимой мобильностью, что отражается и в малоподвижной структуре экспорта, хотя состав импортируемых товаров быстро изменяется.

Налицо симптомы надвигающегося (или уже наступившего?) кризиса аграрно-сырьевой специализации, которая складывалась в течение десятилетий и даже столетий. Явление предельно тревожное, затрагивающее судьбы сотен миллионов людей. Анализ этого явления и направлений его эволюции невозможен без рассмотрения проблемы многоукладности. Ведь в политэкономическом смысле кризис сбыта некоторых сырьевых товаров — первую очередь форма растущего кризиса малопроизводительных укладов, показатель назревшей необходимости

изменений условий производства данного сырья. Это предполагает модернизацию производства, укрупнение его, т. е. осуществление того, что в конечном счете ведет к резкому повышению производительности труда и, следовательно, к осязаемому снижению себестоимости товара.

Ныне вопрос: что делать с традиционной специализацией сельского хозяйства? — порождает в странах третьего мира жаркие споры, и тот или иной ответ на него обуславливает проведение соответствующих практических мероприятий.

Правильный ответ зависит от точного учета и социально-экономического и технико-экономического аспектов проблемы. Первый означает осуществление серьезных структурных реформ, т. е. изменения в производственных отношениях (радикальнее всего через изменения форм землевладения и землепользования) и сдвиги в характере многоукладности. Второй аспект означает модернизацию и совершенствование производительных сил. Любая односторонность в проведении мероприятий (особенно когда оно затягивается) не приводит к прочному успеху.

Как показала практика, попытки декретно-волевого «устранения» монокультурности нигде не были успешными и полезными для народного хозяйства в целом. Обнаруживается и неправильность в самой постановке в недавнем прошлом широко дебатировавшегося вопроса: развивать или не развивать традиционные аграрно-сырьевые отрасли? (Развитие их ассоциировалось с увековечиванием колониального характера экономики, а свертывание — с ее революционной ломкой). В настоящее время ясно, что третий мир (в технико-производственном смысле) стоит на пороге *переходного периода*, в течение которого будет совершаться перестройка старой структуры хозяйства. Одно из важнейших условий перестройки — *максимальнейшее* использование всех остающихся в традиционных сырьевых отраслях возможностей в целях получения необходимых средств для их модернизации и обеспечения назревающих изменений во всей экономике. Поэтому на смену лжеактуальной проблеме — развивать или свертывать производство сырья — пришли реальные задачи: как развивать и для чего развивать?

Остановимся сперва на проблеме, как развивать, точ-

нее — на той ее стороне, которая соприкасается с проблемой внешнеэкономических связей многоукладных государств. По данному вопросу они уже занимают более или менее единую позицию, которая зафиксирована в Алжирской хартии и на Второй конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), энергично отстаивалась представителями этих государств. Речь идет о создании нормальных *условий* реализации сырья на внешних, преимущественно западных, рынках. Это означает ограничение и в конечном счете полную отмену дискриминационной (особенно фискально-таможенной) практики империалистических государств по ввозу из экономически отставших стран; резервирование определенной доли рынка для импортных сырьевых товаров, конкурирующих с товарами, произведенными в развитых государствах. Так, существуют предложения сократить рост внутреннего производства свекловичного сахара в этих государствах до примерно 65% роста потребления, а остаток покрывать за счет импорта тростникового сахара [29, 22].

Многоукладные страны требуют проведения мероприятий, гарантирующих главным образом: а) *устойчивость* внешних рынков сбыта, б) *стабильность* на достаточном уровне мировых цен на сырье (а также создание буферных запасов, их финансирование и т. д.).

Достижение подобных целей мыслится путем заключения международных товарных соглашений по сырью. Последние с помощью различных экспортных квот, фиксирования на определенное время цен или пределов их колебаний и иными методами должны преодолеть опасную для экономики третьего мира неустойчивость реализации ведущих видов их товарной продукции.

Сейчас заключены только пять международных соглашений по стабилизации торговли кофе, оловом, пшеницей, оливковым маслом и сахаром. По мнению представителей стран, производящих основную массу этих товаров, соглашение по пшенице отвечает интересам промышленно развитых держав. Скандальной по вине западных государств становится затяжка с достижением соглашения по какао и т. п. Не сделано явных практических шагов в отношении таких важных видов сырья, как каучук, медь. Своей очереди ждут многие другие сырьевые товары.

Объективная потребность в планетарно согласованных действиях в области внешнеэкономических связей прояв-

ляется в стремлении «организовать рынки», в идее дополнительного финансирования и т. д. Коротко — план дополнительного финансирования предусматривает предотвращение срыва национальных программ развития из-за нехватки иностранной валюты, вызванной неожиданным недобором от экспортных поступлений. Основа возникновения данной проблемы одна: анархичность и неустойчивость капиталистической системы хозяйствования. Для «сглаживания» опасного раскачивания ее в сфере экономических связей между капиталистическими державами и хозяйственно отставшими государствами и было выдвинуто предложение о дополнительном финансировании. Для его осуществления, по подсчетам, требуется в год 300—400 млн. долл. [11, 21]. Интересы обеих сторон почти противоположны. Государства третьего мира стремятся хотя бы частично компенсировать потери от «судорог» монополистического капитализма, обезопасить себя от них.

Внутренние усилия ряда этих государств, направленные на подъем экономики, продолжают сводиться на нет ухудшением условий торговли, постоянной неустойчивостью и неопределенностью на мировом рынке. Такое положение по-прежнему дезорганизует производство, тяжело сказывается на положении огромных масс трудящихся и тем самым крайне отрицательно — на народном хозяйстве в целом.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМА

В наши дни практически все знают о трудном положении с продовольствием в многоукладных странах, несмотря на их аграрную специализацию. Здесь особенно отчетливо выявляется трагическая для них комбинация архаичного материального производства и недоедающего населения. Это — мировая проблема, требующая глобального подхода.

За 1954/55—1964/65 гг. производство продовольствия на всей планете увеличилось примерно на 30%, численность населения — на 22% [4, 6]. На первый взгляд, принципиально ничего угрожающего не произошло. Если посмотреть цифры по экономически развитым и хозяйственно отставшим странам, то нетрудно обнаружить, что индекс производства продовольствия в обоих случаях воз-

растает примерно одинаково или даже с некоторым преимуществом для вторых. Так, в 1964—1966 гг. он достиг соответственно 134 и 136 (1952—1956 гг.=100). Однако при пересчете производства продовольствия на душу населения картина получается совершенно иная: «душ» в третьем мире появилось больше. За тот же период этот индекс в первой группе стран поднялся до 117, во второй к началу 60-х годов — до 106, затем стабилизировался, а в 1965 и 1966 гг. снизился до уровня 1956 г. [33, 21, 51].

Таким образом, в хозяйственно передовых государствах выработка продовольствия заметно перегоняет рост населения. Им в перспективе угрожает не недостаток, а *перепроизводство* пищевых продуктов. В третьем же мире положение тревожное. Увеличение здесь в значительной мере происходит в результате применения экстенсивных методов. Среднегодовой рост сбора зерновых за период с 1952—1956 по 1963—1965 гг. составлял 3,05 %, урожайности — 1,53 (т. е. ниже темпов увеличения населения) и посевных площадей — 1,49 % (т. е. это дало 40 % прироста) [4, 13, 14].

Дальнейшее расширение площади обрабатываемых земель в ряде стран становится почти невозможным, ибо требует значительного увеличения прилагаемого в земледелии капитала.

Потенциально в третьем мире резервы расширения сельскохозяйственных площадей велики: в середине 60-х годов использовалось 1125 млн. га, в экономически развитых странах — 1017 млн. га [4, 28]. В Азии отношение возделываемой площади ко всей земле, пригодной для сельских работ, составляет 63 %, в Африке — 29 и в Латинской Америке — 19 % (в Европе без СССР — 63 % и в Северной Америке — 50 %) [33, 25].

Очевидно, наиболее существенными для понимания противоположных технико-экономических тенденций в экономически различных группах стран являются показатели количества используемой земельной площади на душу сельского населения. В Азии (в среднем за 1960—1964 гг.) на одно лицо приходилось 0,9 га, в Африке — 4,7, в Латинской Америке — 5,0 (в Европе без СССР — 2,4, в Северной Америке — 31,5 га) [33, 25]. Интенсификация сельского хозяйства современными методами (механизация, массовое применение удобрений, гербицидов и т. д.) требует (и порождает) уменьшения числа работающих на единице площади. В третьем мире разбухание числен-

ности сельского населения неизбежно ведет к дальнейшему усилению давления на землю.

Подобная тенденция создает новые барьеры на пути поднятия производительности труда в древнейшей отрасли экономики, способствует сохранению очагов глубочайшей бедности, хронического недоедания и просто голода. Широчайшее распространение малопроизводительных укладов, придавленных к тому же феодальной, торгово-ростовщической, «чисто» капиталистической и, наконец, империалистической эксплуатацией в различных сочетаниях, постоянно воспроизводит в нынешних условиях сверхдешевую, неквалифицированную и все более излишнюю рабочую силу на одном полюсе и растущую нехватку продовольствия — на другом. Конечно, подобное противоречие вызывает и дополнительную потребность в проведении радикальных, структурных преобразований аграрного строя.

Прогнозируемое абсолютное увеличение аграрного населения в третьем мире и усиление его давления на землю — свидетельство дальнейшего усложнения эволюции малопроизводительных укладов в деревне. С каждым годом на «границах» их с другими укладами скапливается колоссальная масса люмпенов, фактически выброшенных из привычной социальной сферы и не допущенных в иную. Такого рода социальные «нарывы» создают огромную экономическую и политическую неустойчивость и становятся серьезным элементом незнакомого нам еще во многом своеобразием классовой борьбы в многоукладных государствах.

Само собой разумеется, что развитие производительных сил и производственных отношений идет в разных странах и даже в пределах одной страны очень неравномерно. Однако кардинального передома, особенно в употреблении новейшей техники, пока нет.

Огромное отставание земледелия по оснащению современной техникой можно проиллюстрировать следующими примерами: в 1965 г. в странах третьего мира насчитывалось 809 тыс. тракторов (на долю Латинской Америки приходилось 515 тыс.), или 1,2 на тысячу гектаров обрабатываемой земли, в экономически передовых государствах — 12 444 тыс. и 18,8 [33, 56]. Что касается потребления коммерческих удобрений, то в первых было использовано 4,2 млн. метрических тонн (в 1963/64 г.), или 6 кг на гектар обрабатываемой площади, во вторых —

32,2 млн. т, или 50 кг на гектар [33, 34]. Высокие цены на химические удобрения в развивающихся странах также сдерживают их применение. Сочетание неблагоприятных технико-экономических и социальных факторов приводит к низкой урожайности и совсем низкой производительности труда. В Голландии, например, урожайность пшеницы выше, чем в Индии и Пакистане, в 5 раз, в Японии урожайность риса по сравнению с теми же государствами больше в 3 раза. По подсчетам некоторых экономистов, индекс производительности одного работника, занятого в сельском хозяйстве (Италия=100), в Индии на конец 50-х годов равен 25, Таиланде — 21, Алжире — 33; в США — 286, Канаде — 199 и Голландии — 228. Следовательно, труд работника в этих многоукладных государствах в 8—10 раз менее производителен [33, 27, 57, 58].

Относительно высокими темпами развитие производительных сил совершается в современных укладах (в каждом, естественно, по-своему и с собственными противоречиями). Отсюда — высокие темпы роста связанного с ними или притягиваемого ими населения. Все больше людей отрывается от сельского хозяйства. Бурно протекает процесс урбанизации. За десятилетие, с 1950 по 1960 г., городское население в третьем мире увеличилось на 55% (в развитых странах — на 25%). Впереди по темпам, но не по исходному уровню шла Африка — 69% (причем страны, расположенные южнее Сахары, дали 83), затем Латинская Америка — 66 и Азия (без Китая) — 40% [33, 20]. В результате осложняется одна из узловых проблем периферийных районов — обеспечение товарным продовольствием. Увеличение городского населения, диверсификация самого сельского хозяйства порождают возрастающий спрос на пищевые товары на внутреннем рынке. Крепнет потребность в новых способах их массовой транспортировки, хранения и переработки. Одновременно возникают затруднения с торговой сетью, которую стремятся монополизировать отдельные торгово-ростовщические группы крупных спекулянтов, ну и, конечно, бич деревни — ножницы цен на сельские и городские товары.

Малопроизводительные уклады в земледелии чем дальше, тем менее способны в достаточных масштабах обеспечить другие отрасли экономики товарным продовольствием и сырьем. Они, особенно в тенденции, препятствуют также радикальному подъему производительных сил в самом сельском хозяйстве и т. д.

Рост производства в многоукладных странах создает, хотя и медленно, предпосылки для повышения дохода на душу населения, но в сельском хозяйстве этот доход ниже, чем в других отраслях, и практически не увеличивается. Так, в 1955 г. на одного жителя в земледелии приходилось (в ценах 1965 г.) 63 долл. валового отечественного продукта (в других отраслях — 232), в 1965 г. — 67 долл. (289). В первом случае доход был в 4 раза ниже и повышался в год на 0,6, а в несельскохозяйственных отраслях — на 2,2%. По прогнозам, этот разрыв в ближайшем будущем углубится — к 1980 г. почти в 5 раз (75 и 378 долл.) [4, 18]. Следовательно, нищета крестьянства не исчезнет (некоторых слоев из-за имущественной дифференциации усилятся), а относительно к прочим слоям и классам (в том числе и к фабричному пролетариату) даже возрастет. В этом объективная основа появления многих искаженных представлений в крестьянской среде, сознательно и несознательно творимых «сверхреволюционных» теорий, вроде примитивнейших — о революционности бедности и об обуржуазивании пролетариата.

Низкие темпы роста (или даже сокращение) производства продовольствия на душу населения — крайне болезненное явление. Экономически развитые страны — одновременно страны с относительно высокой нормой питания. В конце 50-х — начале 60-х годов на одного жителя здесь приходилось в день 3050 калорий, на обитателя же третьего мира — 2150 калорий. Совсем иная и структура рациона: в первом случае продукты животного происхождения составляют 880 калорий, во втором — только 180 [4, 27]. Это означает, что диета недостаточна, однообразна, малопитательна, бедна белками (не хватает мяса, молока, животного масла, рыбы и т. п.).

Потребность количественного увеличения рациона и его качественного изменения в третьем мире с каждым годом становится все более острой. Пока речь идет лишь о реальности количественного увеличения, ибо в буквальном смысле актуальна невеселая пословица «не до жиру...». Но необходимость потребления продуктов животного происхождения, особенно с ростом числа занятых в высокопроизводительных укладах (преимущественно городских), резко усиливается.

Мы являемся свидетелями нарастания первого этапа продовольственного кризиса в третьем мире, этапа, связанного с необходимостью достижения минимального,

главным образом количественного, уровня питания, с задачей увеличения потребления растительной пищи. Но уже теперь вызревают элементы второго этапа, связанного с качественным изменением рациона, что может в самом скором времени вызвать потребность в крупном импорте мяса, яиц, молочных изделий и т. д. (полагают, что к 1975 г. зерновые составят меньше половины продовольственного импорта). Производство этих товаров в массовых количествах в многоукладных странах потребовало бы кардинальной перестройки сельского хозяйства и его решительной интенсификации. Без сомнения, при господстве малопроизводительных укладов добиться этого, а тем паче быстро, предельно трудно. Поэтому надежды на то, что «зеленая революция» будет все больше охватывать сельское хозяйство третьего мира и тем сама по себе (технически) решит аграрный (и продовольственный) кризис, в лучшем случае иллюзорны.

При определении реального спроса на продовольствие важно знать, на что тратится прирост дохода населения. По произведенным подсчетам, 1% роста дохода на душу населения в Бразилии, Индии и Пакистане сопровождался в 1950—1960 гг. возрастанием потребления пищевых продуктов соответственно на 0,5, 0,8 и 0,8%. Обследование, проведенное в двадцати шести странах третьего мира, показало, что в одиннадцати из них этот процент меньше 0,6 и в пятнадцати колеблется от 0,6 до 0,8% (в развитых государствах — всего 0,1%). Иными словами, прирост дохода населения здесь идет в основном на увеличение закупок пищевых продуктов. Что может убедительнее этого свидетельствовать о недостаточности теперешнего рациона? Комбинированное влияние роста населения и роста его дохода ведет, как считается, к ежегодному повышению спроса на продовольствие на 3,5—4% (в развитых странах — на 1,5%) [33, 17, 18], т. е. спрос повышается гораздо быстрее темпов увеличения продовольствия в третьем мире. Налицо наглядное проявление *реального* продовольственного (и аграрного) кризиса, а не «гипотеза» о биологическом расхождении темпов роста населения и продовольствия.

В настоящее время разрыв между производством продуктов питания и спросом на них в многоукладных государствах становится ощутимее. Фактически среднегодовой импорт зерновых в 1961—1963 гг. составил 23 млн. т.

Границы минимальной и максимальной оценки разрыва к 1975 г. определяются в 30—50 млн. т, стоимость ввоза к этому времени взлетает с 3 до 8 млрд. долл. Даже если этот ввоз будет осуществлен, калорийность продовольственного потребления поднимется лишь на 6—11 калорий в день, т. е. недоедание масс сохранится. Подсчитано, что оно может быть ликвидировано только в 1985 г., при условии роста валового национального продукта не менее чем на 5,5—6% в год. Импорт продовольствия в размере 8 млрд. долл. будет равняться (по стоимости) более 20% всей экспортной выручки этих стран (в 1961—1963 гг. — 10%), а в пересчете на душу населения экономически отставших стран эта выручка катастрофически снижается, в 1963—1965 гг. она составила 83 (1952—1956 гг. = 100). Недаром такие авторитетные международные организации, как ФАО, считают ближайшие десять-двадцать лет для решения продовольственной проблемы критическими [35, 5, 8, 17, 18].

По долгосрочным, конечно весьма ориентировочным, наметкам ФАО, к 2000 г. количество калорий в рационе на душу населения в многоукладных странах достигнет 2450. Чтобы добиться подобного уровня, все производство продовольствия в этом районе земли должно подняться в 4 раза по отношению к 1957—1959 гг. (а выпуск продуктов животного происхождения в 5,83 раза). По мнению экспертов ФАО, к середине XXI в. рацион здесь (3100) приблизится к рациону развитых стран (3300), но по удельному весу животных продуктов в целом еще будет отставать в 2 раза (600 и 1200 калорий в день) [4, 24, 27].

В заключение следует отметить, что обе проблемы (подъем сельского хозяйства и рост народонаселения) требуют одного и того же — расширения сферы хозяйственной деятельности. Нельзя, как говорят в этих странах, все время стоять на одной ноге сырьевой монокультурности, тем более что нога уже устала. Необходима диверсификация экономики, т. е. создание новых отраслей народного хозяйства.

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ

В ряде стран третьего мира давно уже функционируют промышленные предприятия. Готовые изделия и полуфабрикаты отсюда во все большем количестве по-

ступают на мировой рынок, но по темпам роста экспорта эти страны значительно отстают от других государств. В результате их доля в мировой торговле фактически даже снижается (табл. 6).

Т а б л и ц а 6

Экспорт готовых изделий и полуфабрикатов из многоукладных стран*

Год	Абсолютный объем, млн. долл.	Доля в мировой торговле этими товарами, %	Доля торговли этими товарами во всей торгов- ле, %	Средние темпы роста, %		
				1955— 1965 гг.	1955— 1960 гг.	1960— 1965 гг.
1955	3030	6,6	12,8	7,7	4,9	10,6
1965	6350	5,8	17,4			

* [24, 6, .7].

Известно, что подавляющая часть вывоза готовых изделий и полуфабрикатов из стран третьего мира приходится на товары легкой промышленности (в первую очередь текстильной и пищевкусовой). Все они производятся преимущественно на базе местного сырья, и выпуск их не требует значительных затрат квалифицированного труда или значительного технического опыта. В 1965 г. было лишь 17 видов таких товаров (экспортируемых в капиталистические государства), доля их превышала 20% общего импорта развитых стран, что видно из приводимых ниже цифр (%) [13, 5]:

Олово	70,7	Кожа	25,1
Нефтепродукты	48,5	Эфирные масла, духи и ароматические вещества	25,1
Медь	46,6	Хлопчатобумажные изделия, тканые	24,8
Красильные и дубильные экстракты	34,0	Различные цветные металлы	24,1
Фрукты, консервированные и переработанные	29,8	Готовая одежда (кроме меховой)	21,1
Готовые изделия из текстиля	26,6	Различные сорта фанеры	21,0
Покрытие для полов	29,0	Животные и растительные масла и жиры	19,4
Консервированное мясо и мясные продукты	28,4	Алкогольные напитки	17,3
Овощи, консервированные и переработанные	27,4	Товары для туристов, ручные сумки и т. п.	17,1
Свинец	26,7	Консервированная рыба и продукты из рыбы	15,3
Жемчуг и драгоценные и полудрагоценные камни	26,1		

Текстильные изделия и тка-
ни (не из хлопка) 14,0
Серебро, платина 13,8

Цинк 12,7
Дерево, обработанное и в
бревнах 11,7

Диверсификация экономики протекает в хозяйствен-
но отставших странах предельно неравномерно и в раз-
личных формах. Положительные плоды этого процесса
вкусили лишь некоторые из них. Однако, как показывает
опыт, диверсификация (в тенденции перерастающая в
специфическую индустриализацию) не уменьшает, а на
длительный промежуток времени увеличивает число
проблем и трудности. Вот почему, в частности, некото-
рые периферийные государства не слишком спешат с
диверсификацией и даже возражают против ее осущест-
вления. Перед нами новое противоречие, которыми так
богата экономика третьего мира.

В связи с этим крайне важную роль опять приобре-
тает внешнеэкономический фактор, могущий существен-
но ускорить и облегчить разрешение данного противо-
речия. Экономическая история наиболее развитых в хо-
зяйственном отношении стран третьего мира наглядно де-
монстрирует возрастающую потребность новых отраслей
производства (в первую очередь промышленного) в ино-
странных рынках сбыта. Современные предприятия, да-
бы быть предельно эффективными и конкурентоспособ-
ными, ориентируются на массовое производство. На на-
чальных стадиях становления (строительство и освоение)
нового промышленного производства главные усилия,
естественно, направлены на то, чтобы «выянить» его.
Отсюда преобладающее внимание к различного рода го-
сударственным субсидиям, льготам, таможенной охра-
не и т. д.

В нашей литературе укоренился своеобразный пред-
рассудок, согласно которому действенный протекцио-
низм — это абсолютное средство развития национальной
промышленности, поскольку тем самым ей обеспечивает-
ся почти весь (или весь) внутренний рынок. Действи-
тельно, на первых порах, да и в дальнейшем защитная
роль протекционизма весьма велика. Но сравнительно
быстро обнаруживается, что сложность диверсификации
помимо всего прочего скрывается в узости национально-
го рынка для окрепших новых отраслей промышленно-
сти. Чтобы они нормально функционировали, а тем бо-
лее развивались, на известной стадии нужен выход на
мировые рынки. Это не исследованный еще закон вос-

производства в третьем мире. Обращает на себя внимание сам факт несоответствия внутренней платежеспособности рынка объему производства утвердившихся современных предприятий. В данном случае экспорт означает не реализацию каких-то случайных излишков, а *условие* кругооборота значительной части товарной продукции. Без вывоза определенной доли (подсчет ее для конкретной отрасли, конкретной страны и конкретного этапа ее развития имеет большую практическую ценность) товаров воспроизводство (особенно расширенное) способно протекать лишь в «угнетенном» виде (не используются крупные производственные мощности, не полностью занята рабочая сила, в том числе инженерно-технический персонал, повышается цена производства и т. д.). Иначе говоря, перед нами специфические трудности перестройки старой колониальной или полуколониальной структуры экономики. Диверсификация, т. е. рост общественного характера производства, взрывает старые рамки этой структуры, но одновременно сковано и в какой-то мере направляется ею. Этот «взрыв» никак нельзя назвать ненаправленным. Традиционная колониальная экономика нуждается в диверсификации. Эффективное проведение последней, однако, ведет к расширению производства в таких масштабах, которые выходят (нередко далеко) за рамки внутреннего платежеспособного спроса.

Возникнув в результате законного стремления покончить со старым, неравноправным положением в мировом хозяйстве, диверсификация порождает новые виды зависимости. Поэтому создание максимально благоприятных внешних факторов для наименее болезненного протекания этого процесса — объективная потребность всех многоукладных государств, приступивших к диверсификации. Существующая одновременно и параллельно с ней необходимость в экспорте в целях получения остро дефицитной иностранной валюты затемняет (для исследователя) самостоятельность проблемы.

Общие требования стран третьего мира по рассматриваемой проблеме лаконично сформулированы в следующем положении Алжирской хартии: надо добиваться заключения на достаточно долгий срок «соглашения об общей системе тарифных преференций на недискриминационной и взаимной основе. Оно должно предусматривать неограниченный и беспоплатный доступ готовых

изделий и полуфабрикатов из всех развивающихся стран на рынки всех развитых стран» [7, 9].

Представители третьего мира отмечают парадоксальность нынешнего положения, при котором рынки промышленных капиталистических держав взаимно открыты (особенно для членов экономических группировок), но ограждены высокими таможенными барьерами от аналогичных товаров стран, стремящихся преодолеть хозяйственную отсталость.

Государства монополистического капитализма прибегают даже к количественным ограничениям на импорт готовых изделий и полуфабрикатов из многоукладных стран. Предполагается, что подобные ограничения распространяются на 12—15% вывоза из третьего мира [21, 1, 9], в первую очередь на текстиль, одежду и переработанные сельскохозяйственные продукты (точные данные отсутствуют). Если исключить из подсчета нефтепродукты, неблагородные металлы и суда, то цифра возрастет примерно до 30% [21, 4].

Перед нами прямая неоколониалистская таможенная дискриминация, тем более что доля периферийных государств в общем импорте указанных товаров в капиталистические страны Запада снизилась за 1955—1965 гг. с 6 до 5,2%. Дискриминации в определенной мере способствует то, что торговля многоукладных стран готовыми изделиями и полуфабрикатами географически сильно ограничена. Так, в 1965 г. 79,5% этих товаров, идущих на мировой капиталистический рынок, поступало в пять государств: США (35,1%), Англию (18,5%), ФРГ (12,4%), Францию (10,4%) и Японию (3,1%). Наибольшими темпами (свыше 18% в год) в первую половину 60-х годов рос вывоз указанных изделий в США, Японию и ФРГ [25, 3].

Дискриминационность таможенной политики империалистических держав проявляется также в резком увеличении размера пошлин на трудоемкие товары и их снижении на капиталоемкие, что явно нацелено на сокращение экспорта готовых и иных изделий из третьего мира, на торможение процессов экономического развития в нем. Осуществление последнего «раунда Кеннеди» основывалось именно на таком принципе, поэтому его результаты критикуют фактически все многоукладные страны. Изменение дискриминационной в отношении этих государств практики, а тем паче достижение более

или менее приемлемой не может быть достигнуто без упорной антимонополистической борьбы. Благоприятную обстановку для ее ведения создают экономические связи третьего мира с социалистическим лагерем. Так, большое значение для дальнейшего индустриального развития Индии имеют крупные советские закупки изделий индийской металлургической и машиностроительной промышленности (сталь, подвижной железнодорожный состав и т. д.). Это первый в международной торговле пример выхода современных индустриальных товаров (первого подразделения) развивающейся страны на рынок промышленно развитой державы.

Диверсификация производства во многих государствах третьего мира пошла бы гораздо быстрее, если бы были созданы благоприятные условия для деятельности современных предприятий по переработке отечественного сырья в готовую продукцию на месте, если бы, например, страны — производители какао вывозили на иностранные рынки главным образом не какао-бобы, а шоколадные изделия. Налаживание подобного производства прямо зависит от обеспечения гарантированного внешнего сбыта, ибо внутренний рынок не может в подавляющем большинстве случаев поглотить сколько-нибудь значительную долю продукции этого производства. Однако империалистические державы и в этом занимают крайне жесткую позицию. В результате обработанные (полностью или частично) сельскохозяйственные сырьевые товары составляют не основной, как можно было предполагать, а небольшой процент в экспорте готовых изделий и полуфабрикатов из периферийных стран. В 1965 г. на них приходилось 14% этого экспорта, или в абсолютных цифрах 600 млн. долл. [29, 23].

Таким образом, даже беглое рассмотрение отдельных аспектов проблемы диверсификации снова, как и в случае с сырьевыми изделиями, показывает растущую потребность в согласованной международной экономической политике для подъема хозяйственно отставших наций. Она должна планироваться на долгие сроки, основываться на равноправии и привести к ликвидации всех видов и форм эксплуатации. Подобная политика соответствует нуждам развивающихся многоукладных экономик и характеру социалистического способа производства, но она резко расходится с сутью капитализма (особенно монополистического). Это во все большей степени влияет

на расстановку сил во внешнеэкономических международных отношениях. Пока на части планеты существует империализм, приближение к проведению такой политики может достигаться лишь через преодоление его сопротивления. Только совместные действия социалистических и многоукладных государств в состоянии навязать капиталистическому Западу увеличивающуюся «часть элементов» подобной политики. Важным фактором здесь является степень экономического могущества (и темпы роста этого могущества) социалистической мировой системы.

ВНУТРЕННЕЕ НАКОПЛЕНИЕ

По подсчетам, многоукладным странам для достижения минимально необходимого пятипроцентного ежегодного темпа роста следует инвестировать от 15 до 20% годового валового дохода [16, 158]. Это, так сказать, экономико-финансовое условие осуществления хозяйственного развития преимущественно собственными силами. Недостаточность статистических данных, спорность и неоднородность их обработки очень затрудняют выявление надежных величин накопления, усложняют их сравнение. Все же имеющиеся, пускай относительно точные, цифры позволяют осмыслить общее положение и главные тенденции в этой области. Так, в 1950—1965 гг. в семи из тридцати восьми развивающихся стран, по которым мы располагаем более или менее достоверными сведениями [16, 171], предельные нормы накопления (отношение к реальному валовому национальному продукту) составляли менее 10%, в восьми — от 10 до 15, в десяти — от 15 до 20 и в тринадцати — свыше 20%. По позднейшим материалам, охватывающим пятьдесят четыре государства, в восьми на накопление приходится менее 10% валового отечественного продукта, в двадцати трех — от 10 до 15, в одиннадцати — от 15 до 20 и в двенадцати — 20% и выше [16, 162]. Следовательно, когда круг анализируемых стран расширяется, доля тех, кто обладает формально минимальными финансовыми предпосылками для экономического подъема преимущественно собственными силами, быстро снижается. Видна также значительная неравномерность в движении уровней внутренних накоплений по странам, отражающая в свою оче-

редь неоднородность и неравномерность развития всего комплекса прочих экономических и социально-политических явлений.

Зависимость роста накоплений от подъема производства не прямая, но она существует. Рост последнего в конечном счете — реальная база для увеличения размеров первых. Сравнимые данные по сорока четырем странам за 50-е и первую половину 60-х годов показывают, что увеличение реального валового национального продукта происходило далеко не во всех странах, если же и происходило, то крайне неодинаково. Более высоких темпов роста в 1960—1966 гг. по сравнению с 1950—1960 гг. добились двадцать три страны из сорока четырех, причем лишь у девятнадцати ускорение перевалило за 1%. Только двадцать две страны из этой группы достигли в 60-е годы темпов роста (годовых) от 5% и выше [16, 159].

Однако в их число не попали такие наиболее крупные по численности населения государства, как Индия, Индонезия, Бразилия и Аргентина.

В целом в многоукладных государствах показатели ежегодного совокупного роста реального валового продукта за три пятилетия — 1950—1955, 1955—1960, 1960—1966 — в среднем по периоду составляли 4,7, 4,6 и 4,5%. Те же показатели на душу населения демонстрируют еще более тревожное снижение темпов роста — соответственно 2,8, 2,2 и 2,0% [6, 6]. Учитывая низкий жизненный уровень в третьем мире, подобные темпы роста не создают прочной базы для возрастания сбережений (особенно на здоровой основе).

Неравномерность экономического развития и его специфику в отдельных многоукладных странах отражают и сведения о валовых вложениях в основные фонды. В 1950—1965 гг. в одиннадцати из сорока одного государства среднегодовой рост этих вложений был менее 5%, в четырнадцати — 5—7,5, в восьми — 7,5—10 и в последних восьми равнялся 10% и более [16, 170].

Приведенные цифры лишней раз обнаруживают глубокую ошибочность огульного подхода к третьему миру, отличающемуся чрезвычайным разнообразием проблем. Но одновременно те же цифры показывают существование общих для всех его стран проблем, в первую очередь *недостаточность* внутренних сбережений, или «дефицит накоплений».

Причины сего явления кроются в специфике социально-экономической структуры многоукладных государств, т. е. в своеобразии их производительных сил и производственных отношений.

Решение проблем роста производства, темпов и объема накопления, изменения доходов на душу населения и других происходит принципиально иначе, чем на капиталистическом Западе. Корень отличия в *многоукладности*, которая проявляется в социально-классовой структуре общества, оставляет свой неизгладимый отпечаток и на его политической надстройке и т. д.

В каждом из укладов экономические процессы (а также связанные с ними и интересующие нас проблемы) неодинаковы. В различных видах *натурально-патриархального* уклада реальная величина накоплений крайне мала, и колебания ее больше сказываются на подушевом потреблении, чем на изменении в производстве. В многообразных вариантах мелкотоварного уклада действуют свои законы. Положение осложняется отсутствием некоторых необходимых условий для относительно нормального существования и развития простого мелкотоварного производства. *Мелкотоварный* уклад в экономике стран третьего мира *наиболее угнетен, придавлен* всем наследием паразитического союза местного феодализма с иностранным монополистическим капиталом и страдает от эксплуатации со стороны местного капитала, особенно крупного.

Борьба внутри и вне мелкотоварного уклада во многом направлена на достижение минимально благоприятных условий для осуществления хотя бы простого воспроизводства. Выход за его пределы достигается, как правило, с великим трудом. Рост производства здесь далеко не означает увеличение накопления, ибо при удачно сложившихся обстоятельствах его результаты идут на личное потребление, находящееся на предельно низком (особенно по европейским стандартам), иногда на полуголодном и даже голодном уровне. Поэтому ныне накопления в мелкотоварном укладе (а точнее, за его счет) образуются преимущественно путем давления внешних по отношению к нему экономических факторов (например, изъятия ренты, процента, торговой прибыли) или политико-финансовых мероприятий (в первую очередь через налоги). Но в таком случае отторгнутые от него средства превращаются в накопления в руках дру-

гих слоев, становясь их собственностью. В пределах самого мелкотоварного производства подобные «излишки» по истечении определенного времени могли бы быть использованы на создание вышеупомянутых условий, и только по появлении последних стало бы происходить в достаточно широких масштабах нормальное для данного уклада накопление.

В конкретной обстановке третьего мира как следствие указанных явлений возникают новые серьезные противоречия. Чем радикальнее будут ликвидироваться остатки феодальных форм угнетения, чем решительнее будут перекрываться каналы империалистической эксплуатации и срезаться высшие побег местного капитализма, тем серьезнее станет проблема изыскания новых путей и методов получения необходимых для хозяйственного подъема накоплений. Проблема очень нелегкая и серьезная.

Но это уже муки рождения нового. Наверно, самая большая, даже трагическая, сложность совершающихся в третьем мире изменений заключается в том, что почти те же факторы, которые обуславливают неизбежность гибели старых социальных структур, вызывают огромные трудности при становлении новых.

В подавляющем числе многоукладных государств помимо докапиталистических укладов существует еще ряд капиталистических укладов — мелкокапиталистический, развитой частнокапиталистический, иностраный частнокапиталистический, кооперативный и собственно госкапиталистический. Внутри каждого из них имеются свои, нередко чрезвычайно важные, деления.

Мелкокапиталистический уклад в теперешней обстановке обычно во многом контактирует и в чем-то (по интересам) даже сливается с мелкотоварным. Соотношение, удельный вес укладов тоже колеблются в разных странах. Колоссальной значимости проблемой является их взаимодействие между собой.

Нормы накопления, да и зачастую факторы, их определяющие, резко отличаются в зависимости от уклада. Хотя наличествующая статистика, естественно, не дает прямого ответа на вопрос об объеме и темпах накопления по отдельным укладам, косвенные данные помогают выявить общую тенденцию. Как правило, в экономически отставших странах доля деловых предприятий во внутренних накоплениях превышает долю отдельных лиц,

в некоторых странах наибольшая часть сбережений приходится на корпорации [16, 162]. Известно также, что в сельском хозяйстве и в ремесле, где преобладают мелкотоварный уклад и низшие формы капиталистического предпринимательства, нормы накопления относительно низки, а в фабричной и горной промышленности, в современном банковском деле, на транспорте гораздо выше. Самые доходные заведения находятся в пределах современных частнокапиталистических укладов — и местного и иностранного. Не удивительно, что норма накоплений в них наивысшая.

Госкапиталистический уклад в нынешнем его виде — сравнительно новое для большинства изучаемых государств явление. Многие входящие в его сферу объекты еще не освоены. К тому же он призван создавать наилучшие хозяйственные предпосылки для деятельности других укладов (чаще некоторых из них), а не стремиться к максимальной рентабельности. Наряду с иными причинами это обуславливает в целом низкие нормы накоплений в госсекторе почти всех стран третьего мира. Однако деятельность государства здесь далеко выходит за рамки госкапиталистического уклада, как такового. Значение государства очень велико в мобилизации накоплений, в их распределении и применении. Кроме того, оно остается важнейшей частью политической надстройки. Его существование в этом качестве требует расходования все более колоссальных сумм.

Основную часть средств государство в этих странах получает через налоговую систему. В этой области также наблюдается неравномерность. Так, в 1963—1965 гг. только в двадцати пяти странах из тридцати трех (по ним имеются сравнимые данные) доходы от налогов превышали 15% валового национального продукта (на капиталистическом Западе этот процент в среднем равен 30). В подавляющем большинстве районов третьего мира налоговый потенциал, хотя он гораздо меньше, чем в развитых странах, используется еще отнюдь не полностью. Тяжесть налогового бремени ложится преимущественно на бедные, трудящиеся слои населения. Достаточно сказать, что на косвенные налоги в преобладающем числе случаев приходится 70% и более от всех налоговых поступлений. В то же время огромные доходы верхушки имущих классов зачастую ускользают от обложения. Так, в ряде стран Азии не облагаются никакими налогами

личные доходы, превосходящие в 10—25 раз средний доход на душу населения. Обычным является и прямое сокрытие крупных доходов. Даже по неофициальным, резко заниженным данным сведения о них преуменьшаются на 30—60% [16, 163]. Как показала практика, для того чтобы заставить верхушку имущих классов соблюдать существующее налоговое законодательство, требуется не просто укрепление и совершенствование налогового аппарата, но и проведение серьезных социально-классовых мероприятий.

Роль государства в мобилизации внутренних средств на нужды хозяйственного возрождения в многоукладной стране, по идее, резко возрастает. Однако в большинстве таких стран по сравнению с серединой 50-х годов наметилась тенденция к сокращению удельного веса государства в чистых накоплениях, несмотря на то что в ряде стран происходило его повышение [16, 162]. Конечно, это объясняется преимущественно различием путей социально-экономической и политической эволюции. Но есть и некоторые общие моменты, которые действуют в указанном направлении. В первую очередь это — быстрый рост государственных расходов на нехозяйственные цели. Даже значительную долю дополнительных налоговых поступлений в большинстве этих стран поглощают текущие правительственные расходы.

Для современных многоукладных государств как нельзя более актуально звучат слова В. И. Ленина, написанные в марте 1923 г. применительно к России: «Мы должны свести наш госаппарат до максимальной экономии. Мы должны изгнать из него все следы излишеств... Если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, то мы получим возможность ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации, гидроторфа, для достройки Волховстроя и прочее...

Только тогда мы в состоянии будем пересечь, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую, именно, с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой... на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д.» [1, 405].

Конечно, выполнение указанных В. И. Лениным задач требует создания соответствующего социально-экономи-

ческого климата, проведения твердой политики в интересах трудящихся масс и преодоления сопротивления как эксплуататорских классов, так и нарождающейся бюрократии.

Реальные доходы государства резко снижаются также из-за того, что экономическая эффективность почти всех заведений государственного сектора развивающихся стран в целом очень низка или недостаточна. В результате, естественно, относительно низок и объем (и особенно процент) накоплений в нем. В результате государству приходится полагаться на внутренние и внешние займы для изыскания средств на финансирование госкапиталистического уклада и на хозяйственные нужды иных укладов.

Различие норм накоплений по укладам никак не означает соответствующую обеспеченность последних собственными сбережениями. Натурально-патриархальный уклад во всех его вариациях очень автаркичен. С мелкотоварным укладом сложнее, хотя и он обнаружил способность существовать даже тогда, когда от него отрывают значительную часть прибавочного и даже необходимого продукта. Конечно, при таком положении это — воспроизводство стагнирующее, и, конечно, данный уклад способен использовать определенную толику средств со стороны. Однако наибольшую нехватку накоплений испытывают современные виды хозяйства, нуждающиеся в высоких темпах расширенного воспроизводства, — развитой частнокапиталистический и госкапиталистический уклады.

Дефицит накоплений, т. е. отрицательный разрыв между наличествующими сбережениями и величиной капиталовложений, сильно варьирует в третьем мире. В среднем около 80% капиталовложений покрывается за счет внутренних источников [6, 5]. Остальные можно получить лишь извне, за счет внешнего финансирования. Причем потребность в нем в целом в настоящее время не уменьшается, а *возрастает*.

Нельзя, естественно, упускать из виду, что по разным причинам (идушим от старых принципов колониального разделения труда и от новых процессов развития и диверсификации экономики) реализация значительной части товарной продукции, особенно более производительных укладов, связана с внешней торговлей. Очевидна и определенная взаимозависимость между последней и величиной внутренних накоплений в современных укладах. Эта зависимость не является для обеих сторон ни абсолют-

ной, ни прямой. Поэтому возможны исключения, объясняемые сложным комплексом данных национальных факторов хозяйственного развития. Однако некоторую связь при наличии известных сходных условий можно проследить: за 1959/60—1964/65 гг. ежегодный рост валовой продукции в восемнадцати странах составлял в среднем 6% и более, а средний прирост экспорта превысил у них 8,7%. В следующей группе, состоящей из двадцати одной страны, эти показатели соответственно равны 4—6% и около 5% в год. В пятнадцати государствах, у которых темпы роста не превышали 4%, ежегодный прирост экспорта составлял 3,3% [12, 3].

Ощутимая зависимость национальных экономик от международных экономических связей проявляется, как известно, не только на стадии реализации части продукции (т. е. при смене форм стоимости), но и при воспроизводстве (при отыскании необходимых натуральных качеств товара). Это означает необходимость превратить накопления из денежной формы в элементы производства. Беда многоукладных стран заключается не только в том, что они не в состоянии осуществить эту метаморфозу силами внутреннего производства, но и в том, что для ее осуществления требуется не просто какие-то денежные накопления, а накопления частично в иностранной валюте. На данном этапе развития это препятствие (между наличием внутренних сбережений и возможностью их превращения в элементы производительного капитала посредством приобретения последних за границей) на пути экономического подъема третьего мира имеет явную тенденцию к обострению. Следовательно, перед нами еще один аспект основной проблемы: как наиболее рационально совместить хозяйственное возрождение бывших поработанных и отставших стран с нуждами развития мирового хозяйства в целом?

ВНЕШНЕЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ

Потребность в иностранной валюте, а следовательно, зачастую и во внешнем финансировании, вызывается не только нехваткой внутренних сбережений. Они в отдельных случаях могут быть даже в избытке. Существует сумма условий, которые обеспечивают так называемое освоение накоплений, или их производственную реализацию.

Среди внешних условий на одном из первых мест стоит импортный компонент, с которым связано, по имеющимся оценкам, 30—40% общего капиталообразования многоукладных государств [16, 165]. Это не удивительно, ибо в них отсутствует помимо выпуска, скажем, основных видов оборудования даже выпуск некоторого промышленного сырья. Как известно, для подавляющего числа этих государств характерен крупный внешнеторговый дефицит, что серьезно затрудняет необходимые закупки за границей и увеличивает нужду во внешнем финансировании.

Таким образом, последнее важно и как средство мобилизации внутренних сбережений. Однако движение этих двух частей накоплений явно начинает совершаться в противоположных направлениях. Анализ движения финансовых ресурсов из капиталистических держав в третий мир (и в многосторонние международные организации, кредитующие его) показывает, что их величина (за вычетом амортизации и возмещения капитала) в 1960—1966 гг. в среднем составляла около 8,5 млрд. долл. в год. Из них на долю государственной экономической помощи падало примерно 5,6 млрд. долл. [6, 1]. Рекомендация Генеральной Ассамблеи, повторенная Первой конференцией ЮНКТАД, о выделении 1% национального дохода развитых государств на нужды экономически отставших еще не выполнена (табл. 7).

Отношение всех чистых притоков средств (включая частный капитал) в многоукладные страны (и многосторонние учреждения) к валовому национальному доходу государств, предоставляющих помощь, выражалось в следующих цифрах [6, 33]):

1960 г.	0,88	1964 г.	0,75
1961 г.	0,95	1965 г.	0,78
1962 г.	0,82	1966 г.	0,69
1963 г.	0,76		

До сих пор экспорт этих стран является более важным источником поступления иностранной валюты, чем приток капитала. Естественно, что движение капиталов происходило неравномерно. Частный капитал шел прежде всего в Латинскую Америку, затем в Африку и потом уже в Азию. Противоположным было направление государственных капиталов: доля Азии здесь возросла и в 1965 г. составила свыше 50%, для Латинской Америки цифра стабилизировалась на 17, для Африки она понизилась

Таблица 7

**Чистые государственные отчисления странам
третьего мира рядом капиталистических государств
в 1965 г.***

Страна	Процент к валовому национальному продукту	Процент к общим бюджетным расходам
Австралия	0,52	2,87
Австрия	0,4	1,44
Бельгия	0,7	2,79
Канада	0,26	1,59
Дания	0,08	0,47
ФРГ	0,38	3,74
Франция	0,81	1,69
Италия	0,14	0,65
Япония	0,28	2,17
Голландия	0,36	1,53
Норвегия	0,14	0,64
Швеция	0,19	0,75
Швейцария	0,02	0,26
Англия	0,45	1,43
США	0,5	2,84

* [6,21]. Включая отчисления многосторонним учреждениям.

приблизительно до 27%, главным образом за счет сокращения притока в северную часть континента; приток в зону южнее Сахары возрос. Каждая, особенно крупная, капиталистическая держава направляла капиталы преимущественно в районы «своего влияния». Свыше 70% чистых двусторонних потоков из Англии в 1964—1965 гг. шло в страны Содружества, причем четыре его члена получили 60% общей суммы. В те же годы Франция свыше 90% чистой государственной помощи направила в зону франка [6, 27, 28].

Большинство государств третьего мира в значительной мере зависит от притока средств извне, и чем государство меньше, тем сильнее подобная зависимость от какого-то одного внешнего источника финансирования. В среднем она равняется 64%, но по регионам колеблется от 69,4 для Латинской Америки до 49% для Ближнего Востока [9, 4].

В распределении капиталовложений крупнейшей империалистической державы, США, отчетливо проступают

новые тенденции, свойственные и другим странам Запада. На начало 1965 г. общая сумма частных вложений США за границей составила свыше 44,3 млрд. долл. Географически эти капиталы размещались следующим образом (млрд. долл.) [5, 14—15]:

Канада и Европа	25,9
Латинская Америка	8,9
Азия	3,1
Африка	1,6
Океания	1,6
Другие страны Западного полушария	1,4
Помощь в международном плане	1,9

Таким образом, на долю стран третьего мира пришлось примерно 40% американских инвестиций. Относительная доля капиталовложений европейских капиталистических держав в многоукладные страны также заметно падает [5, 40].

Частные инвестиции капиталистических монополий в третьем мире составляют важнейшее орудие извлечения максимальных прибылей. Действиями монополий поддерживается неокOLONиалистская политика и осуществляется перекачка средств из многоукладных стран в сейфы финансовой плутократии развитых держав. Размеры этого оттока вызывают жаркие споры, поскольку монополии делают все, дабы скрыть истинное положение вещей. Но практически признается, что встречный отлив прибылей и дивидендов на частный капитал (оцениваемых минимально в 4 млрд. долл. в год) превышает ежегодный приток новых частных инвестиций [3, 48]. Эксплуататорская сущность этих вложений ясна. Даже представители имущих классов экономически отставших стран не считают их помощью. Отсюда отчетливое стремление большинства государств третьего мира исключить частные инвестиции из категории помощи (в первую очередь при исчислении знаменитого одного процента) или в крайнем случае максимально ограничить их удельный вес в ней (например, $\frac{1}{4}\%$).

Однако в настоящее время империалистические монополии уже не могут только брать: чтобы продолжать брать, нужно и давать. Тут они тоже прибегают к испытанному в условиях госмонополистического капитализма

приему — взятое кладут в свой карман, а дают из кармана государства. Поэтому финансовая (и примыкающая к ней) помощь по линии государства становится тем узлом, в котором перекрещиваются различные интересы, захватывающие область экономики и политики.

На наших глазах в третьем мире складывается парадоксальное положение — государство и в определенной мере госкапиталистический уклад, ставшие важным центром мобилизации и распределения накоплений, начинают в некоторой степени функционировать как бы в противоположном направлении: не привлекать средства, а способствовать их оттоку за рубеж. Главнейший рычаг экономического возрождения многоукладных стран в результате воздействия со стороны иностранного госмонополистического капитала и мирового капиталистического рынка имеет тенденцию терять свою эффективность. Как свидетельствуют факты, это противоречие, чреватое непредсказуемыми катаклизмами, созревает быстро. По существующим прогнозам, потребность в импорте у третьего мира повысится с 32 млрд. долл. (в ценах 1960 г.) в 1963 г. до 60 млрд. в 1975 г., по минимальным оценкам, и до 70 млрд. долл. — по максимальным. Но экспорт не сможет обеспечить оплату подобного ввоза. В результате в 1975 г. разрыв между импортом и экспортом (включая доходы по невидимым статьям, иным, чем доходы от капиталовложений), по минимальной оценке, выразится в сумме 3,4 млрд. и по максимальной — 10 млрд. долл. [2, 5, 8]. Примерное представление об общем дефиците экспортных поступлений на середину 70-х годов дает табл. 8.

По подсчетам известного аргентинского экономиста, до недавнего времени главы ЮНКТАД, Р. Пребиша, странам третьего мира для покрытия дефицита внешне-торгового оборота в 1970 г. потребуется иностранная помощь в размере 20 млрд. долл. Агентство международного развития называет цифру 13 млрд., а Международный банк — 14 млрд. долл. [5, 8].

Особенно резко возрастают выплаты по прошлым займам и капиталовложениям. Такой важный показатель внешней задолженности, как отношение платежей в счет погашения задолженности к экспорту, с 1956 по 1965 г. поднялся с менее чем 4 до 9%. В 1975 г. подобные платежи достигнут 23% (без вывоза нефти; с ней — 18%) экспортных поступлений (если их ежегодный рост будет ра-

Таблица 8

Прогнозы дефицита экспортных поступлений многоукладных стран на 1975 г.*, млрд. долл. (в ценах 1960 г.)

	Экспорт товаров и услуг	Импорт товаров и услуг	Прочие платежи	Дефицит экспортных поступлений**
Африка	15,0	18,2	2,0	5,3
Азия	35,4	37,1	7,3	9,0
Латинская Америка	20,1	24,0	4,3	8,2
Всего***	73,5	83,5	14,2	24,2

* [29, 18]. Прогнозы опираются на предположение о высоких темпах роста дохода (4,7% в год—в развитых и 6,1%—в многоукладных странах).

** Исключая техническую помощь, которая, как ожидается, достигнет общей суммы 1,5 млрд. долл. в год.

*** Включая прочие страны.

вен 4%) [17, 3, 4, 8, 10]. По другим данным, в 1975 г. нехватка экспортных поступлений (с учетом технической помощи) многоукладных стран составит 17—26 млрд. долл. (в зависимости от предположений по поводу соответствующих темпов роста этих и развитых государств). Причем от $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ нехватки экспортных поступлений относится за счет выплат по капиталовложениям (в зависимости от минимального или максимального уровня прогнозирования) [2, 9].

Как известно, внешняя государственная задолженность возросла с примерно 10 млрд. долл. в 1956 г. до 39,2 млрд. в 1965 г., а платежи по ней подскочили с 0,8 млрд. до 3,6 млрд. в год (с неучтенными кредитами и коммерческой задолженностью даже до 5 млрд.) [17, 2]. Перспективы в данной области предельно мрачные. При допущении, что валовой приток капитала и средние условия сохраняются такими, какими они были в 1965 г., общие поступления после выплаты процентов и амортизационных платежей упадут с 5,9 млрд. долл. в 1966 г. до 3,6 млрд. в 1975 г. Уже в 1970 г. займы после упомянутых выплат составят для всего третьего мира отрицательную величину и начнут поглощать приток субсидий. По другим оцен-

кам, чтобы сохранить чистый приток субсидий и займов на уровне 1965 г., требуется увеличение валового их притока в 1966—1975 гг. с 12,2 млрд. до 17,5 млрд. В результате общая сумма погашения долгов поднимется с 5,1 млрд. до 10,4 млрд., а расходы по погашению задолженности будут поглощать соответственно 42 и 60% валовых поступлений займов и субсидий [17, IV, V].

Следует указать еще на одну деталь, резко осложняющую проблему внешнего финансирования и внешней задолженности. Дело в том, что субсидии редко предоставляются в конвертируемой (обратимой) валюте, а займы, как правило, являются связанными или обусловленными (местом предоставления либо проектом). Предполагается, что в настоящее время не меньше $\frac{3}{4}$ двусторонней помощи по официальным каналам подпадает под эту категорию. В результате стоимость таких займов, по предварительным подсчетам, в среднем повышается не менее чем на 10—20% [9, 1, 15].

Существует ряд проектов борьбы с трудным положением в этих странах, трудным в смысле как получения новой помощи, так и погашения возрастающей задолженности. Появились проекты (вроде «предложения Горовица») шире привлекать средства частного денежного рынка капиталистических стран через международные институты для финансирования третьего мира. В этом выступают новые тенденции (и функции) госмонополитического капитализма Запада в многоукладных государствах.

Сложность финансового положения все большего числа экономически отставших стран усугубляется тем, что они в быстро возрастающих масштабах превращаются в импортеров продовольствия. За период 1955—1965 гг. вывоз продуктов питания, включая напитки и табак, в абсолютных показателях вырос с 7680 млн. до 10 370 млн. долл. (32,7 и 28,6% всего экспорта), а ввоз — с 3550 млн. до 5890 млн. долл. (от 16,3 до 17% импорта). Импорт продовольствия растет быстрее (5,2% в год), чем его экспорт (3%). В Африке и Латинской Америке это явление не приняло еще угрожающих форм, но в Азии оно носит почти катастрофический характер. Структура продовольственного экспорта совершенно другая. Так, за 1959—1961 гг. в нем преобладали кофе, чай и какао (37,3%), затем шли сахар (14,5%), фрукты (6,3%). В импорте же 36,6% приходилось на зерновые [33, 6, 9]. В социально-экономическом отношении подобное поло-

жение означает, что основную экспортную выручку дают культуры, выращиваемые главным образом на капиталистических (местных и иностранных) плантациях или в государственных имениях различного социального типа.

Малопроизводительные уклады продукты на внешний рынок поставляют все в меньшей степени. Мало того, нехватка последних здесь в значительной мере покрывается закупками за рубежом на выручку, полученную от реализации товаров, которые выпущены в более производительных укладах.

На поверхности явления это выглядит как превышение роста платежеспособного спроса над увеличением производства пищевых продуктов.

В середине 50-х годов в многоукладных странах еще наблюдалось преобладание экспорта зерновых (в 2,5 млн. т). Через десять лет чистый импорт достиг 10,7 млн. т. Продовольственная проблема в разных государствах третьего мира решается неравномерно и существует в неодинаковых формах. К середине 60-х годов шесть стран, население которых составляло миллиард, поглощали почти половину мирового импорта зерновых и 90% ввоза государств третьего мира. По сравнению с серединой 50-х годов доля ввоза зерновых в общем импорте названных стран поднялась более чем вдвое (с 5,8 до 14,7%) и достигла 21,5% (ранее — 6,1%) их экспортной выручки [33, 10, 13]. Уже около сорока многоукладных стран являются чистыми импортерами продовольствия. Общий ввоз продуктов питания по стоимости за 1958—1965 гг. увеличился с 4,33 млрд. до 5,88 млрд. долл. [26, 11].

Невозможность (из-за отсутствия валюты) закупать всю массу продовольствия на обычных коммерческих условиях, с одной стороны, скопление огромных запасов пищевых изделий в некоторых западных государствах (прежде всего в США) и стремление их правящих кругов использовать излишки продовольственных товаров в экономических и политических целях — с другой, обусловили возникновение противоречивой системы крупных поставок таких товаров ряду стран третьего мира на льготных условиях (так называемая помощь). По стоимости эти поставки за 1958—1965 гг. поднялись с 0,94 млрд. до 1,31 млрд. долл. (т. е. примерно составили $\frac{1}{4}$ всего ввоза). Важнейшее место они заняли в импорте зерновых. С начала 50-х и до начала 60-х годов количество ввезенного зерна возросло вдвое — с 10 до 20 млн. т, в том числе

на льготных условиях практически — с нуля до 12 млн. т. В результате коммерческий ввоз зерновых даже сократился, импорт на льготных условиях для отдельных стран стал преобладающим. Так, у семи из них он подскочил с 3 (середина 50-х годов) до 73% в 1962/63 г., а у трех (Индия, Пакистан, ОАР) — с 7 до 95% [33, 38, 39].

Для многоукладных стран получение крупной продовольственной помощи — явление противоречивое. Бесспорно, доставка извне пускай самых простых пищевых продуктов позволяла смягчать нехватку продовольствия, экономила часть средств, крайне необходимых для других отраслей народного хозяйства. Одновременно западные державы (США) использовали эту помощь как рычаг, позволяющий оказывать давление, а также поддерживать экономически и политически выгодные им социальные и хозяйственные тенденции и, значит, тормозить невыгодные. Определенная доля средств в местной валюте, вырученная от продажи американских продовольственных товаров, прямо шла на кредитование американских компаний, действовавших в данной стране. Крупные суммы употреблялись на подкуп и субсидирование нужных лиц и организаций.

Другая группа отрицательных последствий была связана с тем, что многолетние иностранные поставки зерна серьезно деформировали течение социально-экономических процессов в деревне. Во-первых, на какое-то время амортизировался нажим на отжившие виды землевладения и землепользования. Старые эксплуататорские классы или слои получали передышку, могли лучше приспособиться к переменам и влиять на них. Во-вторых, приток дешевого иностранного зерна сильнейшим образом угнетал, задерживал развитие внутреннего производства аналогичных, особенно зерновых, культур, от чего опять страдали преимущественно мелкотоварный и мелкокапиталистический уклады, широчайшие крестьянские массы. В условиях острой нехватки продовольствия становилось из-за низких цен в какой-то мере невыгодно расширять производство зерновых. Только нарастание продовольственного кризиса, т. е. явно отрицательный фактор, преодолевает — и то *постепенно* — действие этого противоречия. Таким образом, неправильно поставленная помощь приносит большой вред стране-получателю. Не даром сейчас и на Западе заговорили о целесообразности развития производительных сил в сельском хозяйстве че-

рез поставки земледельческой техники, удобрений, посредством постройки складских помещений, помощи по созданию перерабатывающих предприятий, заводов по выпуску удобрений и т. п.

Комплексное и планомерное регулирование производства, распределения и потребления в сельском хозяйстве и в связанных с ним отраслях возможно лишь при наличии крепкого и эффективного государственного сектора. Возникает жизненно важная проблема взаимодействия госкапиталистического уклада с малопроизводительными укладами. Первому, в частности, в национальных интересах надлежит охранять вторые от вредного влияния иностранного госмонополистического капитализма. Пример с продовольственной помощью свидетельствует, что иногда может происходить прямо противоположное.

По признанию многих западных специалистов, для США массовая продовольственная помощь (по закону П. Л. 480) явилась, по сути дела, побочным следствием внутреннего положения с продовольствием. Через подобную помощь удалось экономически и политически выгодно сбыть нереализуемые внутри излишки, хранение которых порождало крупные затраты, серьезно давило на внутренний продовольственный рынок и мешало крупному бизнесу удерживать цены на достаточно высоком уровне. Вместо варварского уничтожения продуктов питания, как это было во время кризиса 1929—1933 гг., правящие круги сегодняшней Америки посредством госмонополистических мероприятий (т. е. на деньги государства) увеличили поставки за границу, чем убили несколько зайцев. Запасы пшеницы, возросшие здесь за 1952—1961 гг. с 7 млн. до 38,4 млн. т (в Канаде — с 5,9 до 16,5 млн. т), к 1966 г. сократились до 14,6 млн. (в Канаде — 11,4 млн. т) [33, 43]. По оценкам, эти запасы едва могут удовлетворить обычный внешний коммерческий (т. е. платежеспособный) спрос. Следовательно, нереализуемые «привычными» капиталистическими методами излишки продовольствия исчезли. Конечно, возможность их появления сохраняется.

В изменившейся обстановке правящие круги Соединенных Штатов поспешили ввести с января 1967 г. вместо П. Л. 480 новые законы о поставках продовольствия за границу. После окончания переходного периода (с конца 1971 г.) эти поставки должны будут оплачиваться в твердой валюте. С июля 1968 г. вступило в действие трехго-

личное международное соглашение капиталистических держав о коллективном предоставлении третьему миру 4,5 млн. т продовольствия (или его эквивалента) в год. США взяли на себя лишь 42%, страны «Общего рынка» — 23, Канада — 11% и т. д. [33, 45]. Размер помощи, как видим, более чем скромный и скорее свидетельствует о стремлении правящих кругов США снять с себя ставшие невыгодными обязательства. Многоукладные страны оказались перед лицом новых продовольственных затруднений именно тогда, когда задача изыскания иностранной валюты с каждым годом становится все труднее разрешимой.

Таким образом, только отмеченные закономерности и приведенные факты (а многое не удалось затронуть даже бегло) позволяют сделать следующий вывод: объективная потребность изучаемых стран во внешнем финансировании наталкивается на антагонистическое воздействие законов развития монополистического капитализма. В результате быстро нарастает кризисное состояние внешне-экономических связей, угрожающее хозяйственному подъему и крайне отрицательно действующее на наиболее прогрессивные и перспективные уклады в третьем мире. Уже *в начале 70-х годов* усилится реальная опасность серьезнейших потрясений во внешнехозяйственных связях этих государств, что может вызвать и далеко идущие изменения в их экономической и политической жизни.

МОРСКОЙ ТРАНСПОРТ

Третий мир велик. Здесь проживают две трети человечества, на него приходится основная часть территории земного шара. Одновременно — это очень раздробленный мир: уже сейчас число государств в нем приближается к ста. Третий мир сильно разобщен. Дело не только в том, что он включает Южную и Центральную Америку, практически всю Африку (ЮАР — весьма специфическое исключение), огромную часть Азии, Океании и даже в какой-то мере отдельные районы Европы. Географическая рассредоточенность сама по себе не может быть определена как явление исключительно отрицательное. Но ее нельзя рассматривать отдельно от всего комплекса явлений. Аграрно-сырьевая специализация изолирует и даже отталкивает экономики таких государств. На это опи-

рался, в частности, империалистический принцип «разделяй и властвуй» во внешнеэкономической области. В результате часто даже расположенные рядом страны страшно далеки друг от друга. И это не просто словесный оборот: между ними почти полностью отсутствуют транспортные связи. Широко известна горькая поговорка, бытующая в них, что легче попасть в Европу или США, чем в соседнюю страну. В эпоху колониального угнетения эти страны в своих внешнеэкономических связях под губительным влиянием монополистического капитализма ориентировались исключительно на соответствующие метрополии. Ныне политические цепи колониализма порваны или существенно ослаблены. Вместе с задачей завоевания экономической независимости стала как ее часть задача ликвидации транспортной монополии империализма, особенно монополии на морское судоходство.

Подавляющее большинство многоукладных государств фигурально (экономически) — острова, связанные с внешним миром главным образом морем. А морской флот — чужой. Поэтому они, по сути дела, постоянно живут под дамокловым мечом морской блокады.

Середина XX в. все же внесла и в эту область свои коррективы. Быстро растущий торговый флот стран социалистического лагеря с каждым годом все сильнее подрывает монополию империалистических держав на морские перевозки, хотя во внешнеторговых связях капиталистически развитых и многоукладных стран она еще крепка. Пожалуй, это наименее пострадавший участок империалистических укреплений в бывшей колониальной периферии.

Во всем мире объем внешнеторговых перевозок морем в весовых показателях поднялся с 525 млн. т в 1950 г. до 970 млн. т в 1959 г., до 1630 млн. т в 1965 г. и 1750 млн. т в 1966 г. [23, 3], т. е. за 15 лет более чем утроился. В отличие от стоимостных показателей (о чем говорилось выше) натуральные индексы демонстрируют иную тенденцию в отношении отдельных групп государств (табл. 9).

Иными словами, на многоукладные страны падает *большая часть* погрузки в морской внешней торговле. И эта часть *растет*: в 1966 г. она достигала 63,6%.

Данные о стоимостных показателях морских грузоперевозок отсутствуют, но, учитывая, что подавляющая масса экспорта этих стран идет морем, кое-какие выводы

сделать можно. Во-первых, надо отметить колоссальный разрыв натурального и стоимостного индекса вывоза — еще одно свидетельство выкачки из этих государств дешевого природного сырья; во-вторых, противоположное движение обоих индексов (один растет, другой уменьшается). Следовательно, увеличение экспорта в натуральном выражении не поспевает за падением цен на вывозимые товары. Прямо противоположное можно сказать об импорте. Он складывается из относительно менее тяжелых промышленных изделий, дорожающих с каждым годом

Т а б л и ц а

Доля многоукладных стран в мировой торговле морем , %**

Страны	Погрузка			Разгрузка		
	1959 г.	1965 г.	1966 г.	1959 г.	1965 г.	1966 г.
Весь мир, млн. <i>t</i>	969,0	1634,1	1750,0	966,3	1635,7	1750,0
Капиталистически развитые	33,1	29,6	29,3	74,7	77,6	77,8
Социалистические страны Европы и Азии	5,1	6,9	7,2	2,2	3,2	3,0
Многоукладные	61,8	63,5	63,6	23,1	19,2	19,2**
Африки	5,3	11,4	12,2	4,4	3,7	3,6
Латинской Америки	27,0	21,5	20,0	10,4	7,7	7,5
Азии	29,0	30,3	31,1	8,0	7,6	7,8
Океании	0,4	0,3	0,3	0,2	0,2	0,2

* [23, 5].

** 0,1% падает на Гибралтар и Мальту.

На многоукладные страны приходится львиная доля заливки сырой нефти в танкеры (97% — в 1959 г. 95,3% — в 1965 г.). Примерно 60% ее поступает из Азии преимущественно из районов Ближнего Востока. Нефтепродукты вывозятся также главным образом из государств третьего мира, но в меньших размерах: 71,2 67,9%. Заметно изменился удельный вес Африки (благодаря Ливии, Нигерии, Алжиру, Тунису) — 1,0 и 0,4⁰ в 1959 г. и 16 и 12,2% в середине 60-х годов (главным образом за счет снижения доли Латинской Америки [36, 1, 3]. Эксплуатация нефтяных богатств заморскими монополиями резко возросла и является теперь жизненно

но важным фактором для развития экономики капиталистических государств.

Сырая нефть и нефтепродукты все чаще идут на рынки капиталистических держав и все реже в другие государства третьего мира. Так, их доля в танкерной разгрузке сырой нефти за указанный выше период сократилась с 25,1 до 20,7%, а нефтепродуктов — с 33,6 до 20,1%, что свидетельствует об абсолютном сокращении импорта последних в третий мир [36, 1].

За 50-е и первую половину 60-х годов тоннаж мирового торгового флота (берутся суда от 500 т и выше) увеличивался быстро: в 1950 г. — 74,9 млн. бр.-рег. т (включая 14,8 млн. тоннажа американского резервного флота), в 1959 г. — 114,4 млн., в 1966 г. — 154 млн. и в 1967 г. — 162,9 млн. т (без резервного флота США — 154,7 млн. т). Особенно бурно развивался наливной танкерный флот: 15,6 млн. т в 1950 г. и 62,7 млн. т в 1967 г. (величина резервного флота США в этом типе судов — 0,1 млн. т в начале и 0,4 млн. т в конце периода). За эти годы водоизмещение танкеров выросло более чем в 4 раза. Это связано с феноменальным расширением морской транспортировки нефти и небывалым техническим прогрессом в строительстве танкеров. Тоннаж сухогрузного флота за те же годы почти удвоился (с 59,3 до 100,1 млн. т). Ныне половина мирового тоннажа приходится на нефтеналивные и насыпные суда [23, 6, 7].

В целом морской флот за последнее десятилетие количественно и качественно заметно изменился, но положение стран третьего мира в этой области не улучшилось (табл. 10).

Как показывают данные табл. 10, участие развивающихся стран в мировом морском судоходстве непропорционально мало: в 1967 г. — 6,8% (если не считать тоннаж резервного флота США — 7,1%). Соотношение меняется медленно и неравномерно. Впереди — государства Азии. Фактически речь идет о зародыше торгового флота у некоторых стран третьего мира. Показательно, что доля танкеров и грузонасыпных судов, т. е. наиболее прогрессивных их типов, здесь минимальная: на 1 июля 1967 г. — соответственно 3,9 и 4,0%. Причем по танкерам лидируют латиноамериканские страны (2,6%), а по грузонасыпным — азиатские (3,5%) [23, 9]. Но в общем ни у кого не хватает судов для обслуживания собственных внешнеэкономических связей.

Распределение мирового тоннажа морских судов (по стране регистрации, на 1 июля берутся суда от 100 т и выше)*

Страна	Тоннаж, млн. бр.-рег. т.			Доля в мировом тоннаже, %		
	1955 г.	1964 г.	1967 г.	1955 г.	1964 г.	1967 г.
Мир в целом	97,1	149,7	178,7	100,0	100,0	100,0
Капиталистические страны	80,1	110,6	124,1	82,5	74,0	69,4
Гондурас, Гонконг, Либерия, Панама	8,6	19,7	28,2	8,9	13,1	15,8
Социалистические государства Европы и Азии	3,5	9,4	14,2	3,6	6,3	8,0
Многоукладные страны Африки	4,9	9,9	12,2	5,0	6,6	6,8
Латинской Америки	0,2	0,6	0,7	0,2	0,4	0,4
Азии	3,3	4,1	4,5	3,4	2,7	2,5
	1,4	5,2	6,9	1,4	3,5	3,9

* [23, 8].

На середину 1967 г. только у шести государств тоннаж их судов превысил 10 млн., на них вместе приходилось около 60% водоизмещения всего мирового флота (тыс. т) [23, 9]:

Либерия	22 598
Англия	21 716
Норвегия	18 382
Япония	16 883
США	10 640

(оценки активного
мореходного флота)

СССР	10 617
----------------	--------

Неожиданно видеть на первом месте Либерию — страну третьего мира. Отгадка этого кажущегося парадокса, однако, проста. Как и в случае с Гондурасом, Гонконгом, Панамой, перед нами лишь место регистрации, а никак не принадлежности. Судно должно быть приписано к определенному государству, иначе согласно установившемуся обычаю оно рассматривается как чуть ли не пиратское и может быть захвачено и конфисковано. Ряд космополитических дельцов считают для себя выгодным (по финансовым и прочим соображениям) регистрировать

свои суда в таких государствах, как Либерия. По имеющимся подсчетам, из тоннажа судов, плавающих под либерийским флагом, не менее 6,7 млн. т «эффективно контролируются» американскими бизнесменами [23, 10]. Особенно широко практика приписки судов к портам небольших стран или зависимых территорий распространена среди греческих судовладельцев. Общая величина контролируемого ими флота приближается к японскому. Мировые монополии вообще чрезвычайно беззастенчиво используют антидемократическое оружие секретности, искажений и прямого обмана. Выбор «удобного флага» — одно из «невинных» средств в их обширном арсенале.

Три многоукладные страны, занимающие первые места в третьем мире, стоят в списке всех стран на 16—18-м местах. Это — Индия (1887 тыс. т), Бразилия (1305 тыс. т) и Аргентина (1240 тыс. т) [23, Аппех, 2]. Каковы перспективы увеличения тоннажа флотов интересующих нас стран на ближайшие годы? В абсолютном выражении он возрастает. Сказать то же об их удельном весе с такой же уверенностью нельзя. И вот почему. Текущие заказы этих государств на суда составляют 5,7% мировых заказов [23, 11], т. е. ниже их сегодняшней доли в тоннаже морского судоходства. Следует отметить, что на флот третьего мира падает наибольший процент судов старой постройки (45% спущены на воду 15 и более лет назад) [23, 13]. Естественно, физическая и моральная амортизация будет сказываться на нем особенно заметно.

Эффективность морского судоходства быстро повышается. Достаточно сравнить изменения величины тоннажа и грузооборота. За 1950—1966 гг. международная торговля морем возросла на 233%, водоизмещение судов — на 148%. Танкерный флот показал еще лучшие результаты — 322 и 285% соответственно. У сухогрузных кораблей достижения скромнее, но также внушительные — 167 и 101%. Интенсификация использования морского транспорта подтверждается величиной груза, приходящегося на каждую регистровую брутто-тонну в год. Для танкерного флота эти показатели за тот же период поднялись с 13,5 до 15,9 т, а сухогрузного с 6,6 до 8,9 т. Увеличилась длина пройденных рейсов. Общие сведения отсутствуют. Данные по перевозкам шести главных цельнонасыпных грузов демонстрируют рост проделанных за 1960—1966 гг. тонно-миль на 82,0% [23, 17, 18, 21].

Концентрация производства, отражающая научно-тех-

нический прогресс, в судоходстве принимает своеобразные формы, временами она также обуславливает резкое повышение наиболее рентабельной грузоподъемности судов. Ныне это выражается в немыслимом ранее увеличении размеров танкеров, что приводит к серьезному ускорению погрузки, транспортировки и разгрузки крупных партий нефти. На океанских просторах появились танкеры-гиганты, и число их увеличивается. На октябрь 1967 г. были размещены заказы на 128 танкеров, каждый 150 тыс. т грузоподъемности и выше. Уже строятся танкеры на 300 тыс. т и более, и каждый месяц приносит новую сенсацию [23, 15]. Научно-технический прогресс в строительстве танкерного флота, как, впрочем, и в возрастающем числе других видов человеческой деятельности, достиг такой высокой степени, что появилась необходимость сознательного (не стихийного) его осуществления и использования его результатов. В противном случае возникает серьезная угроза элементарным условиям жизни на земле. Крушение нескольких танкеров-гигантов — наглядная иллюстрация тому.

Бурному росту морского судоходства препятствует сегодняшний уровень портового и связанного с ним хозяйства. Эта причина, в частности, в значительной мере сдерживает средний размер сухогрузного корабля, хотя он также имеет тенденцию увеличиваться. Распространенными становятся комбинированные суда, используемые как цельноналивные (нефть) или насыпные (руда). Начинают энергично внедряться контейнеризованные суда и т. д.

Одним словом, технический прогресс захватывает все элементы морского транспортного хозяйства, требует оперативного, действенного и быстрого их изменения или совершенствования. Это приносит большую выгоду, но требует огромных капиталов, квалифицированных кадров и соответствующей производственной базы. У подавляющего большинства многоукладных государств со всем этим дело обстоит предельно скверно. Проблема национально-судоходства в результате неизмеримо осложняется.

Что лучше: иметь свой флот или использовать чужой? Подобный вопрос является предметом дискуссий, и ответ на него не прост. Прежде всего необходимо оценить противоречивые факторы и в первую очередь знать, сколько надо платить за перевозки на чужих судах.

Реальная величина фрахтов, общей выручки, получаемой от функционирования морского транспорта, — секрет,

гщательно оберегаемый монополиями. Хорошо известно, что котирующиеся на рынке фрахтовые ставки относятся лишь к части, зачастую меньшей, грузооборота. Огромные массы товаров (по подсчетам — до 180 млн. т) вывозятся насыпью, без оглядки на фрахтовый курс [23, 21, 22]. Исчислить фрахт на тонну груза почти невозможно.

По мнению специалистов из Международного валютного фонда, величина фрахта в среднем равна 10% объема по стоимости (цены фоб) международной торговли, идущей морем (или 9% при ценах сиф) [23, 37].

Показательно, что статистические сведения чрезвычайно скудны относительно именно фрахтовых ставок на экспортные грузы экономически отставших государств. Величина фрахта по отношению к стоимости их вывоза, когда преобладают такие экспортные товары, как кофе, чай, хлопок, каучук и сахар, составляет 3—8%, а у тех, у которых преобладают тяжелые товары — железная руда, фосфаты, бревна, — свыше 20%. Если обратиться к ввозу, то, согласно оценкам, размер фрахта и страхования колеблется от 7 до 15% стоимости импортных товаров. Все это, как правило, значительно заниженные данные. Судя по приводимым Экономической комиссией по Латинской Америке сведениям (конца 1966 г.) о фрахтах на экспортные товары, идущие в США из Аргентины, Бразилии, Перу, Чили и Уругвая, отношение фрахтов к цене (фоб) этих товаров резко превысило 20% и доходило до 75, а в одном случае — даже до 130% [15, 176, 208].

Индексы, показывающие соотношение стоимости отдельных групп товаров к фрахтовым ставкам, также демонстрируют отрицательную для многоукладных стран тенденцию. Причем падение покупательной способности вывозимой из них продукции происходит гораздо быстрее, чем у импортируемых изделий. Так, к 1967 г. (за первые шесть месяцев, т. е. до начала израильской агрессии) размер фрахтовых ставок на регулярных линиях поднялся до 123 (1958 г. = 100), рейсовый чартер сухогрузного судна — до 117, а на танкеры — до 121. За тот же промежуток времени индекс экспортных цен на промышленные изделия достиг 108 пунктов [23, 27, 33, 34], а на сырьевые товары, вывозимые из развивающихся стран, упал до 92. В результате покупательная способность сырья по отношению к фрахту сократилась почти на четверть. Закрытие Суэцкого канала в результате агрессии Израиля при-

несло новые баснословные барыши международным пароходным монополиям.

Расходы по морским перевозкам тяжелым бременем ложатся на платежный баланс практически всех государств третьего мира. И это в условиях катастрофической нехватки иностранной валюты! Не удивительно, что желание создать собственный национальный флот так велико. Существуют и другие причины, объясняющие это желание, — необходимость укреплять экономическую независимость, содействовать расширению экспорта, оказать действенное давление на судоходные монополии, осуществлять диверсификацию экономики и т. д. Понятно и стремление обезопасить себя от нарушений в судоходстве, порождаемых такими неожиданностями, как войны, блокада и т. д.

В сегодняшнем разделенном мире развивающиеся страны, как сказано в Алжирской хартии, «подтверждают свое неоспоримое право на создание и расширение собственного торгового флота в связи с повышающимися фрахтовыми ставками и перспективами развития их внешней торговли... Все страны должны признать право развивающихся стран на развитие своего торгового флота, включая право сохранения справедливой доли грузовых перевозок, производимых в эти страны и из них» [7, 19].

Жизненно важные экономические и политические интересы многоукладных государств невозможно примирить с существующей практикой мировых судоходных монополий. В этом столкновении государства третьего мира находятся в чрезвычайно невыгодном положении. В настоящее время они ведут борьбу за прекращение ограничений и дискриминации, за достижение равенства в морском судоходстве. Но даже эту программу-минимум выполнить нелегко. В Алжирской хартии содержится призыв ко всем странам оказать давление на грузовые конференции и судовладельцев, чтобы добиться равноправия в океанском судоходстве. Какие же требования здесь выдвигаются? Составители хартии считают желательным, чтобы судоходные компании отказались «от широко распространенной практики установления специальных высоких фрахтовых ставок на транспортировку нетрадиционной продукции развивающихся стран и понизили фрахтовые ставки, применяемые к традиционному экспорту развивающихся стран» [7, 18]. (Следовательно, дискриминационные действия морских монополий серьезно

тормозят диверсификацию и особенно индустриализацию третьего мира, в частности путем блокирования экспорта изделий молодых отраслей народного хозяйства.)

Далее, утверждается необходимость признания ряда принципов судоходства, ибо отсутствие их служит подтверждением неравноправного положения этих стран перед лицом мореходных монополий. В хартии говорится также о праве развивающихся стран принимать участие во всех грузовых конференциях, которые затрагивают вопросы их морских перевозок, на равной основе с судовладельцами развитых государств; о том, что грузовые конференции должны иметь представительство в развивающихся странах, о необходимости публиковать информацию, включая предварительное опубликование всех предложенных изменений по поводу фрахтовых ставок и других касающихся перевозок мер, которые принимаются грузовыми конференциями и сказываются на внешней торговле развивающихся стран [7, 19]. Судоходные монополии фактически просто не считаются с самостоятельным существованием экономически отставших стран, не предоставляют им элементарную информацию и даже не находят нужным держать в них своих представителей.

Апологеты частного предпринимательства, как правило, не советуют этим государствам обзаводиться собственным торговым флотом. Они ссылаются на сложность его создания и нерентабельность его эксплуатации. При «идеально-разумных» экономических законах для большинства государств третьего мира, возможно, рациональнее было бы пользоваться чужими судами. Но пока подобных «идеальных условий» не существует. Именно волчьи законы монополистического капитализма заставляют многоукладные страны стремиться к созданию национального морского транспорта. Это — средство давления и на так называемые конференции (монополистические соглашения судовладельцев) в целях снижения фрахтов, изменения вредной практики, введения нужной линии и перевозки новых видов изделий.

Создание национального торгового флота помимо всего прочего — свидетельство усиливающейся диверсификации экономики, появления новой отрасли хозяйства. В нашу задачу, естественно, не входит показ, а тем более анализ структуры судоходных монополий и разнообразия их практики. Хотелось бы только подчеркнуть неразрывную связь и комплексность экономических рычагов

финансового капитала империалистических держав, которыми он оперирует на международной арене в сфере производства и обращения. Разветвленная сеть иностранных компаний внутри большинства государств третьего мира и в их внешней торговле, гигантские валютные банки, кредитующие ее, и страховые общества, страхующие грузы и корабли — все они функционируют в теснейшем контакте друг с другом и со своими судоходными компаниями. Везде они поддерживают позиции всех участников этого клубка и, конечно, судоходные монополии.

Экономическую броню международных финансовых объединений крайне трудно пробить еще и потому, что их подпирает вся политическая мощь империалистических держав. Большой поддержкой для государств третьего мира является существование мира социализма. Фактическая торговая блокада ряда государств со стороны США, затяжная драма вокруг Суэцкого канала — лишь некоторые события, не кончившиеся трагически для ряда стран третьего мира только благодаря экономическому и политическому влиянию и соответствующим действиям социалистических государств.

Классово-эгоистическая суть универсализма госмонополистического капитализма вылезает наружу и в интересующей нас области. Так, разрекламированная продовольственная помощь США диктовалась не только стратегическими экономико-политическими целями, но и сегодняшними нуждами американских монополий. В частности, судовладельцам США это позволило расширить использование флота и резко вздуть фрахты на перевозимое зерно. Когда в мире происходят важные экономические (девальвация фунта стерлингов, например) или политические (закрытие Суэцкого канала) события, приводящие к изменению фрахтовых ставок, империалистические государства всю тяжесть последствий этих событий стремятся переложить на развивающиеся страны.

Морской транспорт представляет уникальное явление, если подойти к нему с точки зрения многоукладности. Малопроизводительные уклады практически давно и абсолютно не участвуют в этой отрасли экономики (кое-где сохраняясь в прибрежных перевозках, контрабанде и т. п.). Из национальных укладов только два в разной мере решаются пробивать оболочку монополии иностранного капитала на морское судоходство. Исторически первыми это попытались осуществить в небольшом числе го-

сударств крупные частные предприниматели. Только в редких случаях ценой огромных усилий им удалось добиться ограниченных успехов, не поколебавших указанной монополии. Ныне все реальные надежды возлагаются на госкапиталистический уклад (или госсектор). Действительно, лишь он обладает максимальными возможностями, чтобы в достаточных масштабах приступить к этому многотрудному делу. Но реализация этих возможностей зависит от всего комплекса внутренних условий и от проведения соответствующей внешней политики.

Конечно, кардинальное решение проблем морского судоходства для экономически отставших стран в конечном счете мыслимо только в обстановке господства социалистических производственных отношений в мире.

ВНЕШНЕТОРГОВЫЕ СВЯЗИ МЕЖДУ МНОГОУКЛАДНЫМИ СТРАНАМИ

Фактически установление таких связей начинается лишь в наше время. В этом, в частности, состоит одна из важнейших задач реального преодоления колониализма в хозяйственной области. Предельная ориентация на метрополии создала серьезные объективные и субъективные предпосылки для экономической изоляции третьего мира. Транспорт и связь, банковское дело и страхование, торговля и многое иное требуют кардинальной перестройки. Возникает важная для будущего проблема: на какой основе и как проводить эту перестройку? Уже теперь осознается непригодность стихийного развития, необходимость в согласованных, планируемых и совместных действиях государств третьего мира. Потребность координации процессов хозяйственного возрождения порождает все новые проекты регионального сотрудничества. Международная помощь, бескорыстная и эффективная, могла бы ускорить прохождение начального этапа этого процесса.

Внешняя торговля — наиболее древняя форма экономических межгосударственных связей, в конечном счете лучше всего отражающая их полноту и содержание. В стоимостном выражении торговля между более чем ста многоукладными странами и территориями в 1966 г. немного превысила 8 млрд. долл. Если устранить ряд элементов двойного счета, то цифра упадет ниже отметки

в 6 млрд. долл. Для сравнения напомним, что это равно половине торгового оборота США с Канадой. В целом внешняя торговля в пределах третьего мира не превышает 3% общемировой за последние годы (здесь учитывается поправка на двойной счет; без нее — примерно 4%) [30, 3, 4]. Объем мировой торговли быстро растет, преимущественно в результате увеличения оборота между экономически развитыми державами. Доля развивающихся стран ощутимо снижается (особенно со времени развертывания научно-технической революции). Это один из показателей того, что прогресс пока не только обходит стороной основную часть человечества, но и больно бьет по ней. Подобная неравномерность — убедительнейшее свидетельство пагубности влияния капитализма на экономическое развитие земного шара, а также необходимости планомерных, согласованных действий во всепланетарном масштабе. Потребность в социализме демонстрируется разными аспектами современного мирового хозяйства (и в какой-то мере подготовлена им.).

Падение доли многоукладных стран в мировом товарообмене уже обуславливает снижение доли их взаимного обмена. Сложнее и противоречивее обстоит дело, когда речь идет об общей абсолютной величине внешней торговли этих стран и месте в ней их взаимных торговых связей. Последние по стоимости в общем экспорте данных стран составляли (%) [30, 5]:

	Без поправки	С поправкой
1938 г.	21,7	—
1955 г.	24,3	16,7
1960 г.	22,2	15,7
1965 г.	20,8	15,8
1966 г.	20,7	16,2

Доля этих стран в мировом экспорте (поступающем к ним) характеризуется следующими данными (%):

	Без поправки	С поправкой
1938 г.	25,2	—
1955 г.	25,6	17,2
1960 г.	21,2	14,7
1965 г.	20,3	15,3
1966 г.	19,7	15,1

Цифры показывают ту же тенденцию к снижению. Противоречивость заключается в том, что в 60-е годы

усиливается влияние противоположной тенденции, которая в какой-то мере уравнивает первую и стабилизирует общую долю развивающихся стран в их взаимном товарообмене.

В разных географических районах ныне преобладает одна из двух тенденций. В Латинской Америке с начала этого десятилетия доминирует последняя, в результате чего темпы роста экспорта в многоукладные страны более чем в 2 раза превосходили темпы роста общего вывоза. В государствах Южной и Восточной Азии в те же годы наблюдалось аналогичное явление, хотя разрыв не был таким разительным. Обратный процесс проходил в Африке (исключая ЮАР), которая в первую половину 60-х годов дала заметное снижение экспорта в страны третьего мира при удвоении темпов его роста в целом. В Западной Азии увеличивались оба показателя, но общий экспорт повышался несколько быстрее.

Значение торговли между государствами третьего мира на современном этапе экономического развития лучше всего демонстрируют данные о товарной структуре их импорта (табл. 11).

Таблица 11

**Товарная структура импорта государств третьего мира
и изменения в ней за десятилетие***

Категория товаров	Доля развивающихся стран, %		Объем ввоза в 1965 г., млн. долл.	
	1955 г.	1965 г.	общий объем	из стран третьего мира
Продукты питания	37	29	5 676	1656
в том числе зерно	63	31	1 932	602
Сырье (без жидкого топлива)	45	35	2 282	802
Жидкое топливо	64	70	2 058	1438
Химикалии	3	6	3 138	173
Машинное и транспортное оборудование	0,5	1	11 293	128
Другие готовые изделия	10	11	9 859	1119
в том числе текстиль	16	19	2 186	411
Все товары	17	15	35 398	5418

* [30, 22].

Таким образом, общий импорт многоукладных стран превышает по темпам рост импорта из государств третье-

го мира. В целом удельный вес их взаимного импорта более чем скромнен — 15%. По абсолютным величинам и натуральным показателям их взаимный товарообмен сегодня таков, что отсутствие его, как правило, не может вызвать кардинальные нарушения хозяйственной жизни. (Исключение составляет поставка нефти, но в этой области, как известно, продолжают сохранять сильные позиции иностранные монополии.) Конечно, даже в приведенных цифрах видна диалектическая разнообразность социально-экономических явлений в современном мире и борьба противоречивых тенденций в экономически отставших странах. Из-за сложного сочетания технико-экономических (в основном внешних, связанных с развертыванием научно-технической революции) и социально-политических причин (на сей раз преимущественно внутреннего происхождения), в конечном счете упирающихся в специфичность многоукладности, наиболее развитые стороны хозяйственной структуры становятся главным источником ее слабости. Действительно, все знают о гипертрофированной аграрно-сырьевой специализации экономики этих стран; казалось бы, здесь можно столкнуться только с перепроизводством любого рода. На деле же наблюдается катастрофическое возрастание зависимости их от хозяйственно развитых государств, когда речь идет о товарном продовольствии и сырье. Взаимозаинтересованность государств третьего мира в этих товарах пока относительно резко снижается. Это объясняется коренными сдвигами в производстве, что порождает спрос на новые виды сырья (в т. ч. синтетические) и полуфабрикаты.

Мало того, чем решительнее отдельные страны третьего мира будут вступать на путь диверсификации в целях преодоления экономического отставания, тем сильнее в течение определенного периода будет сказываться отмеченное противоречие. Его могло бы и не быть, если бы процесс проходил более или менее одновременно и охватывал значительное число государств третьего мира. Однако это опять требует совместных и согласованных действий, т. е. планирования в планетарном масштабе.

В настоящее время кризис старой аграрно-сырьевой специализации давит на все многоукладные страны, и лишь немногим из них удалось добиться ощутимых успехов в перестройке народного хозяйства. Согласно обследованию, проведенному Международным банком (МБРР) по восьмидесяти шести таким странам, в 1965 г. в трид-

цати восьми странах более половины экспортной выручки поступало от продажи одного продукта. В семидесяти шести странах подобную выручку давал вывоз от одного до семи продуктов, а в оставшихся десяти странах на долю того же числа товаров падало 25—49% экспортных поступлений [28, 4].

Важным показателем хозяйственных связей многоукладных стран с внешним миром служит величина экспорта на душу населения. В 1964—1965 гг. для всего третьего мира она равнялась 3,5 долл., а для государств—экспортеров нефти—22,9 долл., т. е. была в 7 раз выше. У двенадцати ведущих по данному показателю стран и территорий она колебалась от 51,1 долл. (Гонконг) до 10,3 долл. (Таиланд) [30, 36].

Внешнеторговые потоки между многоукладными государствами интенсивны в редких случаях. В целом торговля внутри определенного географического района, так называемая внутрирегиональная торговля, превышает межрегиональную. Если брать крупные регионы, то доля в общем экспорте в развивающиеся страны внутрирегиональной торговли в 1955, 1960 и 1965 гг. составляла: для Латинской Америки 82, 74 и 73%, для Южной и Юго-Восточной Азии—55, 62 и 63, для Африки—57, 52 и 58, для Западной Азии—33, 29 и 35% [30, 11]. Таким образом, самая высокая концентрация внутрирегиональной торговли—в Латинской Америке и самая низкая—в Западной Азии. Но если исключить экспорт нефти из последнего района, то цифра резко возрастет и достигнет 65% на начало и конец периода. С технико-экономической точки зрения отмеченные различия обусловлены, во-первых, существованием или отсутствием традиционных (и организационных) связей в пределах районов и между ними, во-вторых, диверсификацией или концентрацией экспорта в определенном районе. Внутри больших географических зон имеются, естественно, свои более дробные деления.

Данные по внешней торговле вскрывают слабую, или, скажем более осторожно, недостаточную хозяйственную связь между многоукладными странами в целом. Однако этот вывод нельзя применять к огромному третьему миру огульно. В пределах отдельных регионов и по отдельным товарам степень этой связи весьма значительна и даже велика. В подтверждение приведем сведения о внутрирегиональном торговом обороте между развивающи-

мися странами на середину 50-х и 60-х годов. По всем товарам соответствующие показатели здесь не уменьшились, а выросли с 56 до 59%. Снижение касалось (если брать крупные статьи) лишь продуктов питания (с 72 до 68%), по остальным же был отмечен подъем: по сырью с 51 до 62%, жидкому топливу — с 32 до 42%, машинному и транспортному оборудованию — примерно до 83% и по другим готовым изделиям с 60 до 63% [30, 25].

Изучение двусторонних торговых потоков между разными парами многоукладных стран — в середине 60-х годов насчитывалось 22 таких потока (без нефти) — позволяет установить, что каждый из них по стоимости превышал 30 млн. долл. и на их долю приходилось почти 40% всей торговли между этими странами [30, 37].

В межрегиональной торговле после самого крупного потока из Западной в Юго-Восточную Азию (в ней преобладает нефть) второй поток идет из Юго-Восточной Азии в Африку.

Ряд внутрирегionalных и межрегиональных торговых потоков в третьем мире не объяснить, если не вспомнить о роли китайских, индийских и арабских торговых общин. Последние обосновались в ряде районов Азии и Африки еще до появления европейцев и в настоящее время выступают важным звеном торговопроводящей сети.

Внешнюю торговлю в пределах третьего мира характеризует ее специфическая структура. Аграрно-сырьевая специализация экономически отставших стран ярче проступает в их общем мировом экспорте. Внутри третьего мира проявляются несколько иные тенденции (табл. 12).

Во взаимном товарообороте большой удельный вес занимают готовые промышленные изделия. Половина вывозимых зерновых направляется в развивающиеся страны, что в значительной мере объясняется традицией торговли рисом в Южной и Восточной Азии и экспортом пшеницы из Аргентины и Уругвая в другие латиноамериканские государства.

За последние годы заметный рост показывает торговля изделиями первого подразделения. Например, реализация за указанное десятилетие химикалий, машинного и транспортного оборудования и неблагородных металлов увеличилась в пределах третьего мира в 4 раза и составила на середину 60-х годов в стоимостном выражении 532 млн. долл. [30, 21].

Товарная структура вывоза в середине 50-х и 60-х годов*,
%

Категория товаров	Мировой рынок		Многоукладные страны	
	1955 г.	1965 г.	1955 г.	1965 г.
Продукты питания	34,9	29,6	35,3	30,6
в том числе зерно	4,1	4,1	10,1	11,1
Сырье (без жидкого топлива)	29,8	23,4	16,5	14,8
Жидкое топливо	22,0	29,5	28,0	26,5
Химикиалии	0,9	1,3	1,1	3,2
Машинное и транспортное оборудование	0,2	0,7	0,6	2,4
Другие готовые изделия	11,7	15,3	18,1	20,7
в том числе текстиль	2,7	3,7	8,2	7,6

* [30, 19].

Не удивительно, что подобные процессы усиливают позиции наиболее развитых государств третьего мира. Так, на долю Аргентины, Бразилии, Мексики и Индии в 1965 г. приходилась половина взаимной торговли машинным и транспортным оборудованием и треть торговли неблагородными металлами. Противоположная тенденция выявляется в торговле некоторыми видами продукции легкой промышленности, в первую очередь текстиля. Это определяется теми же причинами, которые, однако, дают обратный эффект. Расширяющаяся диверсификация и возникновение новых фабрик приводят к вытеснению традиционного импорта, особенно текстильных товаров. В новых условиях наблюдается обострение конкуренции за внешние рынки сбыта между самими развивающимися странами и сильное сокращение доли исконных поставщиков. Доля Индии в экспорте текстиля из многоукладных государств с середины 50-х до середины 60-х годов упала с 60 до немногим более 33% [30, 31]. Впрочем, не следует переоценивать достигнутый уровень диверсификации и забывать огромную неравномерность данного процесса. Ведь на подавляющее большинство этих стран (около восьмидесяти) падает лишь 6% общего экспорта промышленных товаров из третьего мира [27, 7]. Многие страны этой части земли вовсе не вывозят товаров подобной номенклатуры.

Многообразие третьего мира и неравномерность его экономического развития выражаются в различной концентрации взаимной торговли. На относительно небольшое число стран — одиннадцать (т. е. примерно $\frac{1}{10}$ часть) — падало около $\frac{3}{5}$ всей взаимной торговли (без нефти) развивающихся стран и $\frac{2}{5}$ общего объема их экспорта. Следовательно, эти ведущие страны-экспортеры в большей степени зависят от торговли в пределах третьего мира и заинтересованы в ней. Последнее проявляется в гораздо высшем, чем средний, проценте взаимной торговли — 23, у остальных стран он ниже — 10—11 от общего объема их экспорта [30, 26].

В число ведущих экспортеров вошли ряд крупных стран третьего мира (среди них Аргентина, Бразилия, Мексика, Индия и Пакистан), которым благодаря значительной диверсификации, в частности и промышленной, удалось овладеть внутренним национальным рынком на ряд товаров. Следующий этап их экономического развития связан с поиском внешних рынков сбыта для молодых отраслей народного хозяйства, в первую очередь промышленных. Пример этих стран показывает, что путь к усилению взаимной торговли в третьем мире также пролегает через диверсификацию народного хозяйства.

Традиционная торговля зерновыми выдвигает вперед такую группу, как Аргентина, Бирма и Таиланд. Особое место занимают страны (территории) — склады или перерабатывающие центры, вроде Малайзии, Сингапура, Гонконга. Однако они в конечном счете выросли на обслуживании товарооборота между экономически развитыми и хозяйственно отставшими странами (в том его виде, который выгоден преимущественно западным монополиям). Это, конечно, никак не означает невозможность переориентации подобных специфических центров на обслуживание внешнеэкономических связей в интересах третьего мира и в его пределах.

Расширение торговли между многоукладными странами сдерживается многими факторами. Помимо общих (трудности с валютой и необходимость защиты определенных отраслей экономики, особенно молодой промышленности) существуют и другие препоны на пути к установлению здесь более прочных хозяйственных связей. Частенько экономическую разобщенность третьего мира объясняют также и следующими причинами: 1) сла-

бостью или отсутствием хозяйственной взаимодополняемости, 2) традиционностью связей, в том числе организационных, с развитыми странами и особенно с бывшими метрополиями при отсутствии или мизерности связей даже между близлежащими странами, 3) отсутствием транспортных средств, 4) преференциальными мероприятиями, привязывающими некоторые многоукладные страны к определенным капиталистическим и приводящими к дискриминации большинства других [30, 6].

Разнообразные причины заставляют правительства государств третьего мира задумываться о проведении экономической интеграции. Несколько соглашений, предусматривающих различную степень экономического содружества, уже заключено и в Азии, и в Африке, и в Латинской Америке. Коль скоро это содействует развитию национальных производительных сил и уменьшает зависимость от империализма, подобная интеграция, безусловно, прогрессивна. Она позволяет в известной мере избегать расточительного распыления и без того ограниченных средств, что, к сожалению, наблюдается довольно часто. В Африке, например, из-за разрозненности национальных программ понастроено такое множество спичечных и табачных предприятий, что их продукцией, по меткому замечанию одного африканского деятеля, можно поджечь весь континент.

В настоящее время в третьем мире насчитывается огромное число государств, небольших по занимаемой площади и по количеству проживающих в них жителей. Естественно, что диверсификация производства здесь, особенно на этапе специфической индустриализации, потребует создания экономических региональных объединений или союзов. Выгоды экономически оправданной интеграции неоспоримы. Но было бы утопической наивностью не видеть и серьезнейших трудностей на пути ее создания и плодотворного функционирования — подрывные действия империалистов, политические разногласия внутри самих многоукладных стран, плохо поддающаяся объединению, особенно на первых этапах, монокультурная структура народного хозяйства, ориентируемая на рынки промышленно развитых стран, и, наконец, полностью не подготовленная для подобной интеграции инфраструктура (пути сообщения, связь, энергетика и т. д.). По признанию представителей этих стран, интеграция их экономических структур резко отличается от

других типов хозяйственных интеграций и нуждается в широкой международной поддержке.

Среди отдельных укладов наибольшими возможностями для установления внешнеторговых связей обладают развитые виды частнокапиталистического предпринимательства и госкапитализм в разнообразных его вариантах. По существу, изначальные виды капитала, торговый и ростовщический, уже издревле мобилизовывали через сферу обращения некую толику изделий, производимых в докапиталистических формациях для ведения торговых операций, в том числе и вне страны. В определенной мере все виды капитала осуществляют аналогичную функцию в большинстве стран третьего мира и в наши дни, коль скоро речь идет о докапиталистических укладах и раннекапиталистических формах производства. Суть дела, однако, состоит ныне не столько в перестройке сферы обращения для лучшего использования потенций менее производительных укладов (хотя и это важная задача), сколько в социально-экономической перестройке сферы производства. Современные уклады обладают высокой производительностью и быстрой приспособляемостью к требованиям внутреннего и внешнего рынка. На данном этапе необходимость реализации увеличивающейся доли продукции вовне становится условием расширенного воспроизводства как в пределах конкретной отрасли, так и во всем народном хозяйстве. Следовательно, выгоды от интернационализации производства достаются современным укладам и укрепляют их позиции по сравнению с другими укладами. Однако задача эффективного приобщения последних к внешней торговле никак не может считаться уже вполне решенной.

О возрастающем значении современных укладов во внешней торговле третьего мира свидетельствуют изменения в движении отдельных ее статей. За 1959/60—1965/66 гг. общий экспорт из интересующей нас части земного шара возрос на 41%, причем вывоз первичных товаров (включая цветные металлы) поднялся на 36%, а промышленных изделий — на 104%. По прогнозам, если темпы роста вывоза сохранятся на уровне первой половины 60-х годов (9,7%), то общий объем экспортируемых промышленных товаров достигнет в 1975 г. 10 млрд. долл., а при предполагаемом ускорении темпов (15%) — почти 17,5 млрд. долл. [28, 5, 9].

Таким образом, внешняя торговля в пределах третьего

мира — явление в социально-экономическом плане весьма необычное, ибо представляет важнейшую форму связей многоукладных экономик. Под подобным углом зрения, насколько нам известно, она почти не изучалась. Начало такого изучения предполагает напряженный труд значительной группы исследователей и даже выработку особой методологии. Поэтому сейчас можно указать лишь на ряд общих проблем, возникающих при таком подходе, и попытаться определить направление эволюции некоторых процессов. Как доказано К. Марксом, овеществленный результат общественного труда, приобретающий форму товара, одновременно утрачивает в нем специфику своего, так сказать, социального происхождения. При капитализме, когда все общественные и особенно производственные отношения приобретают товарную форму, последняя становится естественной формой существования первых. Научный социализм показал способность товара скрывать в себе результаты труда, совершавшегося при качественно различных состояниях общества, хотя буржуазный ученый обычно видит в нем лишь капиталистические отношения.

Товарный фетишизм полностью не изгнан из всех его убежищ до сего дня, и кое в чем продолжает затемнять истинное положение вещей. В известной мере, вероятно, его влиянием допустимо объяснить выпадение из поля зрения исследователя существование сложного многоукладного общественного организма, который спрятан за внутренним и внешним товарооборотом развивающихся стран. То же, что замечалось, долгое время ограничивалось преимущественно технико-экономическими и экономико-отраслевыми аспектами данного явления (мелкое и крупное производство, сельское хозяйство и промышленность и т. д.). Покров мистики с этого вида товарно-денежных отношений спадает в последние годы в результате анализа различных социально-экономических процессов, обусловленных развитием капитализма, или исследования его самого. Однако туман только начинает рассеиваться. В его разрывах уже проступают то одни, то другие части названного явления. Чтобы оно предстало перед нашим взором полностью и чтобы взор был осмысленным, нужны коллективные усилия ученых.

Быстрое расширение торговли промышленными изделиями, конечно, отражает огромную перспективность новых отраслей народного хозяйства, важность индустри-

ального развития. И все же даже этот факт несет в себе значительную долю замаскировавшегося фетишизма. Последний проявляется при стихийной технико-экономической оценке внешнеторговых связей. Когда они рассматриваются с реальным учетом многоукладности, обнаруживается иная закономерность при установлении значимости аграрно-сырьевой специализации и смысла ее перестройки. Становится ясным, что дело не в каком-то мистическом проклятье, обрекающем сельское хозяйство и экспорт его продукции на стагнацию, а в том, что малопроизводительные уклады, господствующие в этой отрасли, препятствуют не только ее общему подъему, но и увеличению сельскохозяйственного вывоза, в частности в другие страны третьего мира. На данном этапе растущий здесь товарооборот промышленных изделий демонстрирует значительный внешнеторговый потенциал именно современных социально-экономических укладов, наличествующих преимущественно в промышленности, торговле и на транспорте, и крайне низкий — малопроизводительных, сфера коих — сельское хозяйство, ремесло, мелкая торговля и т. п.

Поэтому соответствующая перестройка таких укладов неизбежно приведет не к падению, а к увеличению экспортного потенциала сельского хозяйства и росту обмена его продукцией между многоукладными странами. Таким образом, зло не в сельском хозяйстве, а в его социальной отсталости, которая влечет за собой и отсталость производственную. Отсюда вытекают и определенные классовые выводы, неизбежность классовых боев при проведении максимальной правильной политики, объективно отвечающей коренным интересам трудовых классов. Положение национальной буржуазии в многоукладном обществе обрекает ее на нерешительность и непоследовательность в вопросе раскрепощения и дальнейшей перестройки малопроизводительных укладов. Помимо правой ограниченности, отражающей существо классовых интересов буржуазии, имеется серьезная социальная опасность левацких перегибов в сроках, масштабе и степени осуществления назревших преобразований, что обуславливается мелкобуржуазным отчаянием и авантюризмом обездоленных, выбитых из колеи люмпенских слоев трудящихся. Губительность колебания между этими крайними полюсами уже видна на примере ряда государств третьего мира.

Выход отдельных социально-экономических укладов

развивающихся стран в область современных экономических связей неизбежно вызывает установление различных контактов с мировыми общественными системами и раскрывает разные стороны и неодинаковые возможности укладов. Развитой частнокапиталистический уклад стихийно тяготеет к западным монополиям, стремясь одновременно преодолеть неравноправность отношений. Государственные хозяйственные организации извлекают больше пользы из связей с социалистическими странами. Различная степень и форма влияния противоположных мировых систем вызывает и разные тенденции в движении многоукладности в государствах третьего мира.

ЗНАНИЯ И КАДРЫ

Технические знания, производственные навыки, профессиональная сноровка, квалификация работников составляют важнейшую часть общественного процесса производства. Одновременно это — самый сложный и деликатный элемент производительных сил. Его состояние в каждой данной стране неразрывно связано с особенностями хозяйственной деятельности и социальной эволюции на протяжении длительного исторического периода. Знания и кадры — самый ценный капитал, накопленный человечеством. Его сохранение и особенно совершенствование требует постоянных и комплексных усилий, а отдача не может быть быстрой.

Отставание третьего мира в области современных научно-технических знаний, в наличии и подготовке квалифицированных инженерно-технических и рабочих кадров — наиболее тяжелое и крайне трудно устранимое в ближайшем будущем явление. Драматизм положения многоукладных стран заключается в том, что они, не пережив, так сказать, эпохи первой промышленной революции, сталкиваются и должны считаться с переворотом, порожденным новой научно-технической революцией в экономически передовых государствах. В наши дни идти вперед и изменяться нужно как можно быстрее, а третий мир не в состоянии сделать это, не перестраивая радикально многие социальные и бытовые институты.

Непременным условием экономического развития в наш век служит достаточно высокий образовательный уровень населения. Третий мир же в этом не преодолел и

первого барьера, связанного с достижением элементарной грамотности. Осуществление подлинных культурных революций — одна из главнейших задач экономически отставших государств. В борьбе с неграмотностью достигнуты значительные успехи, но они еще весьма относительны, что показывают данные о проценте неграмотных среди взрослых жителей (от 15 лет и выше) [16, 175]:

	1950 г.	1960 г.	1965 г.
Африка	86,8	84,3	82,9
Азия	77,9	66,8	60,4
Латинская Америка	42,8	34,3	29,0
По всем многоукладным странам	73,5	63,9	58,3

Впереди, как видим, идет Латинская Америка, ее пытается нагнать Азия, и позади остается Африка. Учитывая рост населения, следует констатировать, что в ряде стран число неграмотных в абсолютном выражении в лучшем случае не сократилось. В подавляющем большинстве государств третьего мира налицо стремление, вытекающее из разных классовых интересов, поднять народное образование. Но препон всякого рода тут не счесть. Они отражают всю сложность борьбы старого и нового в самом широком смысле. Колоссальны «обычные» финансовые и технико-организационные трудности, связанные с острой нехваткой средств, школьных помещений, учебников, преподавателей и т. д. По оценке ЮНЕСКО, затраты на программы обучения в этих странах возрастали темпами, более чем вдвое превышающими темпы роста национального дохода, и составили в 1965 г. 4,25% (7,6 млрд. долл.) валового отечественного продукта. В 1970 г. ожидается их увеличение до 5% (11,4 млрд. долл.) [14, 3, 12]. Все же величина теперешних вложений в образование далека от той, которая необходима для удовлетворения самых первоначальных потребностей.

Охват детей начальным обучением возрос, но еще отнюдь не достаточен: в Азии — 56% в 1962 г., в Африке — менее 50%. Огромна отсеб учащихся: в Азии, например, не более 40% учеников, поступивших в первый класс, заканчивают пятый; в Африке — 25%. Второй этап, среднее образование, дающий учителей для начальной школы, рабочую силу средней квалификации и подготавливающий студентов, охватывал в Азии в 1955 г. 9%, в 1965 г. — 15%, в Африке в последнем году — 9% юношей от 15 до 19 лет [16, 167, 168]. Таким образом, этот слой учащихся

очень тонок, и выпуск их по сравнению с нуждами развивающегося общества крайне мал.

Трудное положение складывается с учительским персоналом. Многие педагоги не имеют соответствующей подготовки и сами нуждаются в обучении. Согласно результатам обследования пятнадцати государств азиатского региона, в четырех из них процент учителей начальной школы, не получивших нужной подготовки или вообще не имеющих ее, был выше 50, в шести странах колебался от 30 до 50 и у оставшихся пяти равнялся 30. Многие учителя получили специальность два или более десяти лет назад и нуждаются в переквалификации [8, 60].

Высшее образование в третьем мире развивается относительно быстрыми темпами, но абсолютные показатели и особенно его структура оставляют желать лучшего. В Азии с 1955 по 1962 г. процент учащихся высшей школы возрос с 1,6 до 2,8, в Латинской Америке в 1965 г. составил 3,7, а в Африке все еще не достиг 1 [16, 168]. Системы среднего и высшего образования с трудом освобождаются от феодального и колониального наследия. Подготовка чиновников для государственной службы, для религиозно-культовых учреждений и некоторых специалистов по гуманитарным дисциплинам — такова традиционная направленность высшей и средней школы. Конечно, она совершенно не отвечает потребностям развития современной экономики. Более того, при острой нехватке инженерно-технической интеллигенции подобная система воспроизводит хроническую безработицу среди представителей традиционных областей знания.

Все отрасли народного хозяйства испытывают, как правило, недостаток квалифицированных кадров и инженерно-технических работников. Острейшая потребность в них при огромном избытке рабочей силы, не находящей применения, — реальное противоречие этой части планеты. Причем оно не смягчается, а, наоборот, становится более острым.

В условиях социально-экономического многоукладья различные элементы данного противоречия, естественно, проявляются неравномерно, неоднородно и в неодинаковых формах. Главными источниками, или, точнее, резервуарами, избыточной рабочей силы, находящейся к тому же в приниженном и хиреющем состоянии, служат малопродуктивные уклады (натурально-патриархальный, мелкотоварный, мелкокапиталистический и т. д.). Труже-

ники, вытесняемые жесточайшей конкуренцией из привычной обстановки своего уклада, не могут долго найти себе занятия вне его предела (в частности, из-за традиционных навыков, привычек, ставших теперь ненужными и даже вредными). В результате в странах третьего мира на стыках укладов (особенно старых и развивающихся) скапливаются огромные массы людей, не имеющих собственности и не могущих применить свою способность к труду. Их нужно обучить, «перевоспитать», чтобы они вошли в мир современного производства. Капитализм осуществляет это в основном звериными методами первоначального накопления. Проблема «лишних» производителей, разноликого люмпена очень сложна. Это — показатель гниения всего старого социального строя и в то же время препятствие для становления нового или достижения его наименее болезненным для народа путем. В абсолютном и относительном выражении число люмпенов велико и создает (небывалое на Западе) *своеобразие хода классовой борьбы*, у нас практически не изученное.

В третьем мире не хватает не только специалистов и рабочих разной квалификации, скверно обстоит дело с кадрами преподавателей высших учебных заведений, т. е. со специалистами, готовящими специалистов. Аналогичное следует сказать и о кадрах для современных научно-технических институтов как теоретического, так и более прикладного, практического профиля. Короче говоря, здесь в разной мере и степени (по отдельным странам) не завершено создание всех главных звеньев системы образования и научно-технических заведений. По прогнозам, лишь к 1980—1985 гг. страны третьего мира смогут ввести всеобщее начальное обучение, а также создать основы среднего и высшего образования, нужного для развития, что предполагает необходимый минимум научного образования и открытий научных и технических институтов, отвечающих современным нуждам [14, 3].

Некоторое представление о намечающихся переменах в этой области дают сведения по многоукладным государствам Азии. В 1965 г. общее население их составляло 936 млн., к 1980 г. ожидается его рост до 1370 млн. За то же время численность научно-технического персонала, получившего профессиональное обучение, увеличится гораздо быстрее — с 867 тыс. до 5200 тыс., а специалистов, получивших среднее техническое образование, — с 737 тыс. до 14,5 млн. [8, 157].

Ожидаются существенные сдвиги в структуре интеллигенции упомянутых стран. Так, если в 1965 г. отношение представителей технических специальностей к представителям других профессий равнялось 0,8, то к 1980 г. оно будет иным — 2,8. Конечно, подобный процесс протекает неравномерно. В первой группе стран доля инженеров и техников во всей рабочей силе за то же время составит вместо 0,28 1,08%, во второй соответственно 0,16 и 0,69 и в третьей — 0,01 и 0,1%. Если подобные прогнозы оправдаются, тогда во всей многоукладной Азии подобное соотношение в количественном выражении будет примерно таким, каким оно было в 1950 г. во Франции, Норвегии и Швейцарии [8, 122].

Согласно предположениям, опубликованным в документах ЮНЕСКО, ежегодный выпуск инженеров в этих странах Азии за 1965—1980 гг. возрастет с 50 тыс. до 230 тыс., ожидается также увеличение их удельного веса в общей массе подготавливаемого научно-технического персонала — с 30 до более 42% [8, 152].

Для поддержания дальнейшего развития системы просвещения, расширения сети научных, технических и иных институтов их необходимо постоянно насыщать, хотя бы в минимальной степени, пособиями, оборудованием, приборами и т. д. Подавляющая часть стран третьего мира вынуждена импортировать значительное количество таких товаров (включая даже учебники). По имеющимся подсчетам, в 1965 г. многоукладные государства импортировали из главной части капиталистических держав на 1,48 млрд. долл. бумажной массы и макулатуры, газетной бумаги, оборудования электросвязи, контрольно-измерительных научных приборов, книг, брошюр и пр. — всего 39 наименований. Это составило 4% общего импорта первой группы стран [14, 6]. Перед нами далеко не полные сведения.

Чтобы проиллюстрировать, какие требования система образования предъявляет к производству и импорту, приведем лишь три факта. Спрос на бумагу в третьем мире за 1959—1961 гг. в среднем ежегодно составлял 5 млн. т. В 1970 г. он, по оценке, достигнет 9,6 млн. т и в 1980 г. — 18,7 млн. т. К 1980 г. одни только страны Азии должны увеличить свое снабжение книгами в 5 раз. Ощутимы революционные перемены, порожденные появлением современных зрительно-слуховых средств массового обучения и неотделимой от них информации. В настоящее время в

Африке насчитывается в общей сложности 6 млн. радиоприемников, в Азии (без Японии) — 38 млн. и в Латинской Америке — 23 млн. По данным ЮНЕСКО, третий мир нуждается почти в 500 млн. дополнительных приемников (из расчета один дешевый приемник на семью в пять человек), т. е. в стольких, сколько их сейчас есть всего в мире [14, 7, 8].

Недостающие научно-технические знания и минимум специалистов многоукладные страны стремятся, естественно, получить извне. Все увеличивающуюся помощь и в этом оказывают им социалистические государства. Всевозможная хозяйственная документация уже поступила из них. При их поддержке открываются новые техникумы, институты и другие учебные и научные учреждения. Тысячи специалистов работают на важнейших новостройках, предприятиях, осуществляют разведку природных богатств и т. д. В социалистических странах учатся и проходят стажировку будущие инженеры, ученые, техники, высококвалифицированные рабочие из стран третьего мира. Все это уже теперь способствует укреплению национальной независимости молодых государств, упрочивает их позиции перед лицом капиталистических держав Запада.

Правда, позиции последних в системе просвещения, подготовки кадров, в продаже патентов в целом, пожалуй, еще более сильны, чем в других областях внутренней жизни периферийных стран. Эксплуатируя объективную потребность их в знаниях и кадрах, в росте культурно-научного сотрудничества и обмена между народами, монополии не только наживаются на этом, но и всячески стремятся навязать свой «образ жизни» и «свою идеологию».

По неофициальным оценкам некоторых западных специалистов, общая численность иностранного персонала из экономически развитых стран, занятого в третьем мире на середину 60-х годов, примерно равнялась 260 тыс. (из них около 110 тыс. были направлены по государственной линии). В то же время в учебных заведениях первой группы государств обучалось 140 тыс. студентов из третьего мира [5, 5—6].

Советский читатель хорошо информирован о реакционной, подрывной деятельности миссионерских, просветительских и иных организаций. Извращая объективные потребности многоукладных стран и благородные стрем-

ления молодежи Запада, империалисты в массовых масштабах создают разного рода «корпусы мира» и т. д. Но никакие фильтры монополий не могут задержать распространение знаний, хотя имущие слои Запада прилагают максимум усилий, чтобы деформировать в выгодном для себя направлении это движение.

Подъем народного хозяйства многоукладных стран, его диверсификация чем дальше, тем больше зависят от привлечения научно-технических знаний и технологии извне. Пути их распространения многообразны — через печатные и иные средства информации, через поездки за границу и миграцию специалистов, через импорт иностранного оборудования, через различные программы технического сотрудничества и соглашения по лицензированию патентов, через иностранные капиталовложения и т. д. Важные функции в получении и освоении зарубежной технологии выполняют государство и государственный сектор этих стран, ибо они обладают наибольшими возможностями для этого.

По сути дела, преимущественно два уклада имеют реальные возможности использования достижений зарубежной науки и привлечения иностранных кадров в местное производство: госкапиталистический уклад и развитое частнокапиталистическое предпринимательство, хотя потенции их различны. Это сказывается в их внешне-экономических отношениях. Крупные частные предприниматели охотнее прибегают к помощи западных держав (последние через них мечтают увековечить капитализм в третьем мире), госкапиталистический уклад как лучший потенциальный защитник национальных интересов часто подвергается дискриминации и в этой области.

В наши дни современные научно-исследовательские комплексы и предприятия с современной технологией на Западе находятся под жестким контролем монополий. В США, например, 80% расходов на исследования и развитие в промышленности падает на долю 100 корпораций [31, 33]. Знания в период развертывающейся научно-технической революции стали ценнейшим товаром, тщательно оберегаемым и используемым как средство давления и господства.

Размеры международной «торговли» знаниями, платежи между странами в этой области лишь недавно стали предметом специального изучения. По приблизительным подсчетам, общий объем таких мировых платежей

(без социалистического лагеря) составил в 1964 г. около миллиарда долларов. Так называемый технологический платежный баланс демонстрирует направления основных «потоков» знания и платежей за них. В том же году поступления и выплаты по этому балансу у отдельных стран выглядели следующим образом (процент к итогу, без сделок между социалистическими странами и между социалистическими и многоукладными государствами) [32, 4]:

	Поступления	Платежи
США	57	12
Англия	12	11
ФРГ	6	14
Франция	5	11
Прочие западноевропейские страны	18	25
Япония	1	13
Прочие промышленно развитые страны	1	6
Развивающиеся страны менее	1	8

Приведенные цифры показывают относительную мизерность потока технологических знаний в многоукладные страны. Необходимо учитывать, что тут зафиксирована лишь часть этого потока, та, которая непосредственно оплачивается, лишь «вершина айсберга». В действительности удельный вес третьего мира в мировом обмене знаниями еще меньше. По оценке, на его долю приходится менее 3% всех зарегистрированных и не зарегистрированных в этой области сделок. Любопытно, что на граждан многоукладных стран падает около 3% от всех заявок на выдачу патентов [31, 12]. Известно, что в капиталистическом мире преобладает стремление к обмену технологическими знаниями, а не к продаже их. При таком положении вещей экономически отставшие страны немного могут предложить взамен.

На данном этапе развития производительных сил перед всеми государствами все острее встает задача развития технологических способностей, возможностей осуществлять непрерывные нововведения и усовершенствования.

Одновременно каждая страна в каждый конкретный момент ее развития обладает вполне определенной «способностью поглощать» иностранную и отечественную технологию и вообще знания. Конечно, подобная способность эластична и подвержена действию различных экономических и социальных факторов.

Страны третьего мира сталкиваются, кроме того, с дилеммой — что предпочесть: стратегию «собственных научных и технических исследований» или импорт иностранных патентов и т. п.? Эта дилемма смыкается с вопросом о «технологической независимости», о степени допустимости для каждого государства на определенном этапе его социально-экономического развития полагаться на ввоз из-за границы знаний и кадров. Не удивительно, что в подобных условиях выдвигается лозунг достижения «технологической компетентности», т. е. способности применять на практике (в производстве) знания, поступившие из любых источников [8, Аппех. II, 3]. Естественно, доступ различных укладов к современным знаниям и кадрам предельно неодинаков и требует создания неодинаковых условий.

В целом научно-технологический разрыв между третьим миром и экономически развитыми частями планеты, вероятно, наиболее трудно устраним. Но его ликвидация — лучшая гарантия уничтожения пропасти, разделяющей их. Мировые социально-экономические системы принципиально разнятся между собой, в частности подходом к проблеме технологического сосуществования, к обмену знаниями, кадрами.

Потребности многоукладных стран в получении иностранной технологии приведут, по существующим прогнозам, к значительному возрастанию платежей по данной статье — с 100 млн. долл. в 1965 г. до 400 млн. в 1980 г. Если же эти государства будут привлекать технические знания такими темпами, как Япония (что маловероятно), то к 1980 г. платежи достигнут 1,5 млрд. долл. [32, 6]. Известно, что передача оперативной производственной технологии в отличие от продажи обычных товаров редко может быть одноразовой. Она может осуществляться только через теснейшую, управленческую, исследовательскую, инженерную и кадровую связь. Возникнет необходимость в обучении местных специалистов и довольно длительном технологическом сотрудничестве. Важной становится проблема получения новых патентов, в противном случае предприятия столкнутся с угрозой потери конкурентоспособности. Следовательно, расширение научно-технических знаний и воспитание национальных кадров — важный элемент экономической независимости. Ее достижение не ликвидирует объективную потребность в международном научно-техническом сотрудничестве, а

создает равноправную основу для его всемерного и планомерного развития.

Внешние и внутренние факторы, благоприятствующие продвижению в этом направлении, к сожалению, все явственнее наталкиваются на иные тенденции. Уже указывалось на тормозящее влияние мероприятий капиталистических монополий. Именно в результате их усилий стало возможным такое противоестественное явление, как «отток умов», т. е. переманивание местных специалистов в капиталистические державы Запада. Иммиграция ученых, инженеров и врачей из экономически отставших стран в США увеличилась за период 1956—1967 гг. в 4 раза — с 1769 до 7913 [8, Singapore, 2]. Однако сейчас было бы непростительно не замечать и серьезных внутренних преград на пути знания в третьем мире. Для имущих классов невежество во все времена было важным социальным фактором, помогающим удерживать власть и распространять свое влияние.

Двойственность позиции буржуазии в данном вопросе исчерпывающе раскрыли классики марксизма-ленинизма. Буржуазия заинтересована в развитии знаний и подготовке местных кадров постольку, поскольку таким путем можно повышать величину получаемых прибылей. Вместе с тем она решительно выступает против всего того в просвещении и науке, что угрожает ее классовым интересам.

Революционная часть мелкой буржуазии энергично борется за скорейшую ликвидацию неграмотности, за создание ряда необходимых звеньев системы образования. Но, как показывает накопившийся опыт, в ее практической деятельности уже заметны черты; сдерживающие всестороннее развитие современной системы образования. Раковая опухоль бюрократизма, помноженная на вульгаризованное, извращенное представление об объеме, содержании и роли знаний, при неблагоприятных условиях способна дать резко отрицательные результаты. Наглядная иллюстрация — последние события в Китае.

Таким образом, процесс кардинальной перестройки системы образования и подготовки современных кадров в третьем мире нельзя рассматривать как простой количественный рост или постепенное приближение к цели. Данный процесс протекает в условиях ожесточенных классовых битв и часто становится их объектом. Конечно, это оказывает противоречивое влияние и создает возмож-

ность резких изменений в системе образования (иногда объективно необходимых, а иногда и вредных).

Внедрение новых знаний — составной элемент развития всякого общества. В классовом обществе это элемент эволюции всех классов, появления в них новых групп и прослоек. В третьем мире потребности экономического, политического и культурного развития вызывают серьезные сдвиги в производительных силах, что обуславливает кардинальные перемены и в производителях. Наряду с ростом рабочего класса происходит расширение отдельных отрядов мелкой буржуазии и формирование так называемых новых средних слоев. Как следствие возникают и крепнут внутренние предпосылки для прогрессивных социальных изменений. Но поскольку это совершается неравномерно (охватывается лишь часть производительных сил и еще меньше тружеников), появляются зародыши новых общественных конфликтов, продолжает возрастать социальная многослойность общества, усиливается смесь консервативного, старого и радикального, нового в сознании людей, удобряя почву для серьезных перемен и новых форм борьбы во всех областях жизни.

МНОГООБРАЗИЕ ТРЕТЬЕГО МИРА

Большинство государств третьего мира демонстрирует причудливое и нередко неожиданное сочетание природных, экономических, социальных и политических особенностей. Поэтому само многообразие, несхожесть становится частной проблемой для отдельных стран и общей для всего третьего мира. Феномен многообразия позволяет увидеть новые аспекты социально-экономической эволюции большей части планеты.

Первое, что бросается в глаза, — огромные разрывы в *численности населения*. Из восьмидесяти девяти стран третьего мира в одиннадцати насчитывается менее миллиона жителей в каждой, в тридцати семи — от 1 до 5 млн. (т. е. на 48 стран приходится 7,4% населения 89 стран). В 27 государствах число жителей колеблется от 5 до 20 млн. (18,8%). Это, так сказать, средняя по населению категория стран. Зато на 14 стран с населением от 20 млн. и выше падает 73,8% [18, 5]. Следовательно, третий мир — это множество мелких государств, окружающих небольшое число крупных стран.

Если обратиться к экономическим показателям, то легко обнаружить, что действие ряда факторов (обеспеченность разведанными природными богатствами, особенности социально-экономического развития и т. д.) обуславливает заметное различие в *производстве валового национального продукта на душу населения*. К середине 60-х годов третий мир по этому показателю сильно отстал от хозяйственно развитых государств. Внутри него также отмечаются существенные колебания. Так, в тридцати одной стране (двадцать две из них находятся в Африке, восемь — в Азии и одна — в Латинской Америке) на душу населения приходилось менее 100 долл.; в семнадцати государствах (девять — в Африке, семь — в Азии и одно — в Латинской Америке) 100—199 долл.; в тридцати двух странах (семнадцать — в Латинской Америке, семь — в Азии, шесть — в Африке и две — прочие) — 200—499 долл. Наивысший показатель, 500 долл. и более, был только в девяти многоукладных странах (пять — в Латинской Америке, две — в Азии, одна — в Африке и одна — прочие) [18, 2]. Таким образом, в третьем мире преобладают (количественно) государства с крайне низким доходом на душу населения, причем наибольшее число их находится преимущественно в Африке. Экономически более зажиточные — в Латинской Америке.

Различия в размере валового отечественного продукта на одного жителя отражают разные уровни развития производительных сил в отдельных частях третьего мира. Но они не показывают различия в *структуре* народного хозяйства. Конечно, для всех многоукладных стран характерна аграрно-сырьевая специализация, и все же экономика некоторых из них заметно специфична. Количественно это выражается, например, в неодинаковой *доле обрабатывающей промышленности в валовом национальном продукте*. По данным, касающимся семидесяти стран, в девяти (исключительно африканских) эта доля ниже 5%, в пятнадцати (двенадцать африканских и три азиатских) — 5—9, в тридцати восьми (двадцать латиноамериканских: одиннадцать азиатских и семь африканских) — 10—19, в восьми (соответственно 4, 2, 2) — от 20% и выше [18, 3]. Налицо определенная связь между степенью диверсификации экономики и величиной валового отечественного продукта, приходящегося на душу населения.

Одним из самых точных показателей уровня экономи-

ческого развития в его, так сказать, наисовременной форме служит *энерговооруженность*. Мы имеем сведения по восьмидесяти пяти странам. В тридцати одной стране годовое потребление энергии на душу составляло 99 кг условного топлива, в двадцати пяти — 100—299, в шестнадцати — 300—599 и в тринадцати — более 600 кг [18. Подсчеты наши]. Государства третьего мира расположены примерно в одной климатической зоне, поэтому приведенные данные еще более подчеркивают серьезные различия между ними. В подавляющей массе государств душевое потребление энергии едва превышает ее расходование в личном хозяйстве, что почти адекватно отражает слабое развитие современного производства, транспорта и т. д. Все же определенная экономическая дифференциация проступает и в этих цифрах.

При колоссальном многообразии общественных явлений в странах третьего мира здесь сохраняется тягостное однообразие в *структуре экспорта*. Это порождено политикой империализма и составляет хозяйственную основу неравноправного положения многоукладных стран на мировом капиталистическом рынке. В середине 60-х годов в шестидесяти восьми из семидесяти восьми таких стран трех континентов 80% и более стоимости вывоза падало на сырьевые товары, в шести — 50—80 и только в четырех — менее 50% (причем у двух значительная доля экспорта приходится на алмазы) [18, 4]. Любопытно, что латиноамериканские государства целиком попали в первую категорию. Это обнаруживает далеко не прямую зависимость степени внутренней дифференциации экономики (и ее общего уровня) от структуры вывоза. Было бы неверным полагать, что относительное однообразие характера экспорта исключает его многообразие при ином подходе к этой проблеме, например при выяснении значимости внешнеэкономических связей для хозяйства конкретной страны или различий в степени прошлой колониальной зависимости и империалистического грабежа.

Связи с мировым хозяйством и их количественное разнообразие в какой-то мере можно проследить по отношению *объема экспорта к величине валового отечественного продукта*. Только в восемнадцати из семидесяти восьми многоукладных стран это соотношение было ниже 10%, в основной массе государств оно составляло 10—30, в одиннадцати — 30—50 и в пяти — превзошло 50%. Абсо-

лутная величина участия этих стран во внешнеэкономических связях в пересчете, так сказать, на душу населения очень мала. В подтверждение приведем следующие цифры: в сорока пяти из семидесяти девяти государств на душу населения приходилось (по стоимости экспорта) менее 50 долл., причем в крупнейших по территории и числу жителей странах этот показатель составляет: в Индии — 3 долл., Пакистане — 5, Индонезии — 7, Нигерии — 13, Бразилии — 20 долл.; в девятнадцати государствах — от 50 до 100, в десяти — от 100 до 200 и лишь в пяти — свыше 200 долл. [18. Подсчеты наши]. В последних двух группировках преобладают нефтедобывающие и нефтеперерабатывающие страны, перевалочно-перерабатывающие центры (вроде Сингапура) и небольшие государства с резко выраженной экспортной монокультурностью.

Из немногих поддающихся сравнению показателей социально-культурного развития приведем только один — грамотность. По уровню ее диапазон колебаний в третьем мире также очень велик. Так, в тридцати шести из семидесяти трех стран, данными по которым мы располагаем, процент неграмотных превышает 81, в двадцати одной — варьирует от 51 до 80, в двадцати — от 21 до 50 и только в шести не переходит рубежа 20 [18. Подсчеты наши]. Разительны контрасты по числу и подготовке специалистов, по числу учащихся на душу населения и т. д.

Приводимые выше цифры демонстрировали статику положений, моментальный снимок многообразности третьего мира. В предшествующих разделах данной работы содержатся сведения, показывающие динамику изменений. Это уже временная неравномерность, складывающаяся из дробных потоков, из собственных завихрений и водоворотов. Напомним в этой связи лишь два показателя: темпы роста валового отечественного продукта и темпы роста населения. За 1960—1965 гг. первый показатель по семидесяти двум странам дал следующую картину: четырнадцать — не дотягивали до 3% роста в год, двадцать шесть — добились 3—5, двадцать пять — от 5 до 8 и семь — более 8%. Движение народонаселения в 1959—1965 гг. складывалось так: в двадцати пяти странах ежегодный прирост доходил до 2%, в тридцати семи — от 2 до 3 включительно, в двадцати трех — превысил 3% (максимум — 4,4%) [18. Подсчеты наши]. Ранее приводились данные об изменении величины внутренних

накоплений, о переменах в диверсификации, во внешнем финансировании и в некоторых других областях. Все это расширяет наше представление о многоликости третьего мира. Но есть ли во всем этом какая-нибудь система, стройность?

Бесспорно, сразу убеждаешься в разнообразии социально-экономической эволюции. Однако соотношение отдельных показателей хозяйственного и социального положения продолжает представляться весьма хаотичным. Действительно. Одни и те же государства, классифицируемые по разным признакам, группируются в разных комбинациях. Для примера возьмем пять государств трех континентов и посмотрим, как они распределяются по пяти показателям.

Таблица 13

Положение пяти стран по пяти показателям на середину 60-х годов*

Страна	Валовой отечественный продукт на душу населения, долл.	Доля обрабатывающей промышленности в валовом отечественном продукте, %	Потребление энергии на душу населения, кг условного топлива	Доля сырьевых товаров в экспорте, %	Неграмотность, %
Боливия	153	16	185	99	68
Цейлон	137	6	114	99	32
Камерун	111	10	71	97	90
Индия	92	18	172	51	72
Дагомея	70	8	30	94	95

* [18, 7].

Материалы табл. 13 демонстрируют порядковый разноряд: по величине валового отечественного продукта на душу населения впереди идет Боливия, позади всех — Дагомея, по доле готовых изделий в валовом отечественном продукте впереди — Индия, позади — Цейлон, и т. д. Великое разнообразие в третьем мире создают в первую очередь небольшие и средние по размерам государства. Историческая, природная и иная специфика проявляется в них ярче, хотя и односторонне. Следует сказать также о чрезвычайном воздействии на них какого-нибудь одного из факторов (социального, экономического и т. д.), которые в крупных государствах уравниваются воздействием других факторов и причин. Однако, если внутри

этих крупных стран произвести соответствующее географическое районирование, нетрудно обнаружить и в них схожий комплекс различий (особенно в пределах континента). Тут неодинаковость и *неравномерность* общественного развития привела к внутреннему многообразию, которое в чем-то стирается, когда берется вся страна в целом. Это усложняет сравнение и одновременно увеличивает калейдоскопичность третьего мира.

Научное познание каждого объективно существующего явления требует нахождения за внешним хаосом его проявлений внутренней логики развития, его «математической формулы». Как известно, в общественных науках последнее осуществляется методом абстракции, включающим в себя значительный арсенал всевозможных средств, в первую очередь классификацию, группировку ведущих признаков анализируемого предмета. В изучении общих и частных проблем современного третьего мира, особенно в сравнительном анализе составляющих его стран, мы делаем еще самые начальные (а потому и наиболее трудные) шаги. Это сказывается во всем, в том числе в отсутствии обоснованных группировок многоукладных государств.

Естественно, подход к предмету должен быть конкретно-историческим, а не конъюнктурным, сиюминутным. В настоящее время главная задача политически освободившихся государств заключается в достижении экономической независимости. Это предполагает необходимость не только ясного определения того, что такое «экономическая независимость», но и установления «расстояния», отделяющего конкретное государство от указанной цели. Четкое понимание места, положения страны во многом определяет отыскание наилучших (и возможных) путей, методов и форм продвижения к этой цели, нащупывание вероятных этапов продвижения и главных задач каждого из них. Методология марксизма-ленинизма дает исследователям основу для научных поисков в сфере общественной жизни наиболее многочисленной части человечества.

Для понимания общей картины, выявления ведущих тенденций развития данного вида общества необходимо сперва «расчленить», проанализировать отдельно состояние и уровень производительных сил, производственных отношений, характер надстроечных институтов и политики и, наконец (об этом следует упомянуть при беглом

перечислении расчлененных элементов предмета), характер и расстановку классовых сил. При сведении воедино этих и некоторых других «деталей» и дополнительного выяснения сути их взаимодействия мы приближаемся к познанию хода сложнейшей общественной «машины» и вероятных результатов ее работы. Классики научного социализма создали для анализа общественного развития принципиально новую науку — исторический материализм, творческое применение идей которой обязательно для раскрытия объективных законов эволюции третьего мира. В данной работе ударение делается на некоторых аспектах, преимущественно связанных с двумя моментами: с состоянием производительных сил и спецификой производственных отношений.

Приведенные ранее факты (или факторы) демонстрировали отдельные черточки, фиксировали внимание на отдельных сторонах производительных сил и производственных отношений, но не создавали достаточной основы для классификации тех и других и зачастую лежали на грани обоих явлений. Нередко в зарубежной литературе об этих показателях говорят как о «факторах развития» и подчеркивают необходимость их комбинированного использования. Предлагаются также различные определения уровня развития для группировки стран. Так, под ним, например, понимается «способность конкретной страны производить товары и предоставлять услуги для удовлетворения растущих потребностей населения (за единицу времени) и создать твердую основу для ее будущего экономического роста» [18, 6]. Нельзя не отметить наличие рационального зерна в подобном подходе. Тут, пусть в своеобразной форме, присутствуют два важнейших момента: уровень производительности национального труда и технико-экономическая способность к расширенному воспроизводству. Первый признак (производительность труда) является важнейшим для технико-экономического сравнения и классификации государств, особенно развитых. Однако для стран третьего мира его нельзя считать абсолютным, ибо он непосредственно не обуславливает их способность к дальнейшему подъему на национальной основе. Разные уровни национальной производительности труда могут быть связаны, чаще не прямо, с разной степенью приближения к самостоятельному расширенному воспроизводству. Поэтому желательно первый признак корректировать вторым. Однако, как отмечалось выше,

подавляющее большинство многоукладных стран все заметнее охватывается тяжелейшим кризисом хозяйственных структур, что, в частности, демонстрирует отсутствие собственной базы для дальнейшего и ускоренного осуществления расширенного воспроизводства. Так что это корректирование, если взять долгий промежуток времени, также весьма относительно.

Разбор положительных и отрицательных аспектов отдельных показателей, пригодных для классификации, уточнение и исправление их можно было бы продолжить. Но в самом лучшем случае это приведет лишь к более точному сравнению *производительных сил* отдельных частей третьего мира. Это не будет сравнением уровней экономического развития, так как осуществить его научно по таким признакам невозможно: они не включают социальный фактор или его главнейшие черты. Вероятно, поэтому в практических целях иногда предлагают пополнить набор «факторов развития» такими, как степень товарности хозяйства (товарного производства) или уровень социального развития (измеряемого процентом грамотности, подготовки специалистов и т. д.). Подобные факторы, конечно, необходимо учитывать, они важны. Однако и здесь не ухватывается суть своеобразия производственных отношений и их существенные нюансы по странам. Потребность (особенно международных организаций) в экономической классификации многоукладных государств порождена трудностями практической политики, необходимостью выработки особых мер международной поддержки наиболее хозяйственно отсталых районов третьего мира.

Раньше (в основном до распада колониальной системы империализма) наблюдалось стремление группировать страны исходя из уровня развития капитализма в них. Безусловно, определенный резон в таком подходе был и остается. Чрезмерная прямолинейность политических выводов, делавшихся в результате подобного подхода, но не подтвержденных жизнью, а главное, колоссальные перемены, сопровождавшие развал колониальных империй, заставили заговорить о сложности и новизне событий и забыть (не исправить) некоторые перспективные находки прошлого. В итоге возобладало описательство.

Резон заключался в том, что отмечалась (пускай невольно) эволюция определенного капиталистического

уклада, как правило, ведущего среди других укладов или стновящегося таковым. Не хватало «немногого»: заметить другие уклады, проанализировать их, изучить, понять взаимодействие между ними и посмотреть, что из этого вытекает. *Многоукладность* — важнейшая специфика производственных отношений в третьем мире — дает одновременно прочную, надежную основу для классификации стран по социальному признаку. Здесь мы сталкиваемся со своими трудностями, со своей диалектикой. Но если пробиться сквозь них, через пестроту почти «первозданного» многообразия начнет проглядывать логика и система, возникнет проблема особой неравномерности социально-экономического развития в третьем мире.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Научный социализм убедительно доказал, что единственный кардинальный путь решения всех противоречий и предотвращения грозных опасностей, порожденных капитализмом, — это социалистическая перестройка общества. Социализм не утопия, а стадия общественного развития, закономерно приходящая на смену капитализму. Марксизм — наука общественная, не просто объясняющая, но помогающая перестраивать устаревшие социальные системы. С момента своего появления он носит классовый характер, служит инструментом классовой борьбы и не удивительно, что в результате соединения с рабочим движением стал истинной идеологией пролетариата. Не менее важно и то, что подобное соединение явилось гарантией и *основой для сохранения и дальнейшего развития самого научного социализма.*

Огромные революционные изменения в мире, в частности возникновение многочисленных молодых суверенных государств, еще больше расшатали мировую капиталистическую систему и выдвинули на повестку дня проблему третьего мира. Здесь ныне находится один из главных узлов борьбы между капитализмом и социализмом. И именно это вызывает наиболее яростные попытки опровергнуть или исказить марксизм-ленинизм, оторвать социализм от рабочего класса, а трудящихся — от подлинного социализма. Апологеты империализма затрубили о полной невозможности применить это учение к ус-

ловиям развивающихся многоукладных стран. Выразители интересов части местных имущих классов поступают осторожнее: подчеркивают неприложимость *научного* социализма к обстановке своих государств. Трудящимся западных стран защитники госмонополистического капитала твердят, что марксизм устарел, ибо развитие ушло далеко вперед. Населению многоукладных государств с той же целью предлагается внешне прямо противоположный довод: марксизм не годен для экономически отставшего общества. В обоих случаях используется один и тот же прием — стремление выдать за существо научного социализма те выводы и ту политику, которые порождались применением его в определенную эпоху и в конкретной стране. Естественно, как все в жизни, выводы и политика устаревают, меняются. Требуется новая оценка изменившейся обстановки. И вот тогда-то проявляется существо марксизма как науки о подлинных законах развития общества. Ее можно и должно использовать для объяснения всех этапов общественной эволюции в любой стране и для политической и иной деятельности.

Конечно, научный социализм, на что неоднократно указывали основоположники марксизма, мог возникнуть лишь на достаточно высокой ступени развития капитализма, впитав все передовые и прогрессивные достижения научной, в первую очередь гуманитарной, мысли. Но затем марксизм-ленинизм как наука может быть применен, обязательно *творчески*, для объяснения любых явлений, любого общественного организма. Прислужники реакции старательно не замечают живого, развивающегося характера марксизма. Они стремятся представить его застывшей догмой, вариантом светской религии и охотно подхватывают и пропагандируют всякие, особенно догматические, искажения его или отступления от него. Именно таким хотели бы правящие классы видеть это учение, ибо догматический «марксизм» всесильным и притягательным назвать никак нельзя. В таком виде он поборим. В результате пути империалистической реакции и закоренелых догматиков «левого» и правого толка объективно смыкаются, и, к сожалению, не только в теории.

Глашатаи антикоммунизма уверяют, что сами коммунисты признают-де свое учение пригодным для развитого общества, имеющего значительный и влиятельный рабо-

чий класс. А поскольку в развивающихся (многоукладных) странах его нет или почти нет, постольку и о применении к их условиям научного социализма нечего и говорить. Все, мол, это — утопия.

Подобные аргументы призваны убить двух зайцев: внушить мысль о невозможности социалистической перспективы в странах третьего мира и посеять сомнения в реальности классовых сил, способных к проведению подобных преобразований, а также и общественных организаций, борющихся за эти цели. Но таковым надеждам не суждено сбыться. Идеи необходимости некапиталистических путей решения важнейших национальных задач *уже* широко распространились в третьем мире. Социализм в конечном счете не заказан и для этой части мира. Истинный социализм нужен и здесь. Однако *пути* перехода к нему, *формы* и *методы* построения, *продолжительность, этапы* и *даже содержание* переходных периодов неизбежно будут иными, чем в экономически развитых государствах. Даже непосредственная цель другая: в первом случае нужно быстро, всесторонне и в интересах широчайших трудящихся масс преодолеть прежде всего экономическую и социальную отсталость; во втором — ликвидировать колоссальные социально-классовые и иные антагонизмы, порожденные перзрелостью капитализма и значительным уровнем развития производительных сил в его недрах.

Рассмотрение общих экономических проблем третьего мира заставляет нас еще раз остановиться на главном в социальной жизни государств этой части планеты — на проблеме многоукладности, но теперь уже под иным углом. Одна из важнейших особенностей многоукладности третьего мира состоит в том, что ее движение порождает столкновение нескольких вариантов социально-экономического развития. Последнее реализуется не само по себе, а через специфическую классовую структуру и своеобразный ход классовой борьбы в этих странах. Связь между эволюцией укладов и перипетиями классовых битв не проста. Решительное устранение отживших свой век докапиталистических и колониальных преград неизбежно затрагивает и влиятельные социальные слои, связанные с разными укладами, хотя последние, казалось бы, подобной расчисткой прямо не затрагиваются. Но заинтересованность верхушки местных имущих классов в первую очередь в феодальных и колониальных методах эксплуа-

тации резко сказывается на всем ходе изменений многоукладности. Возможность нескольких вариантов социальной эволюции (вместо одного главенствующего) заложена в самой структуре многоукладности третьего мира.

Ограничение или уничтожение уклада иностранного монополистического капитализма ощутимо меняет общий социально-экономический и политический климат в стране. Но устранение этого уклада не подрывает, а, напротив, (теоретически) расчищает почву для более полного и быстрого развития других капиталистических укладов и при определенных условиях даже капитализма в целом. На практике же общенациональные кризисы, ведущие к подрыву отдельных капиталистических укладов и исчезновению отдельных слоев буржуазии (а также части других имущих классов), создают такие сдвиги в базисе общества (в многоукладности) и его надстройке, которые выводят нацию за пределы чисто буржуазных преобразований. Сколько-нибудь подробный разбор механизма и техники этих преобразований выходит за рамки данной работы. Они упоминаются в той мере, в какой это нужно для уяснения общей проблемы многоукладности.

Таким образом, устранение отдельных относительно изолированных капиталистических участков, ликвидация своеобразной чересполосицы и раздробленности — непременное условие движения особого типа капитализма в третьем мире. Подобная ломка-движение непосредственно сказывается на структуре и положении связанных с ним классов и социальных прослоек. Поскольку капитализм не исчезает, а трансформируется, то же происходит и с классами и примыкающими к ним прослойками. Они больше всего страдают при любых социальных потрясениях, ибо на разных уровнях представляют докапиталистические пережитки как в буржуазии, так и в рабочем классе. Гибель или серьезное ущемление некоторых капиталистических укладов в первую очередь отражается на структуре буржуазии, ибо гибнет или «тончает» один из ее отрядов и совершается перегруппировка сил внутри нее. На положении определенного отряда рабочего класса подобные изменения сказываются иначе: во-первых, сам факт исчезновения определенного капиталистического уклада, конечно, не влечет за собой исчезновение данного отряда пролетариата; во-вторых — внутренние изменения в классе в целом протекают хотя и медленнее, но зато капитально.

Отмеченные трансформации капиталистических укладов усиливают консолидацию классов буржуазии и пролетариата. Эти же перемены серьезнейшим образом отражаются на дальнейшем течении классовой борьбы и даже на ее главных объектах.

Иными словами, в многоукладной стране знакомые общественные категории обладают «чудодейственной» способностью нести необычную социальную нагрузку, что абсолютно исключает их механическое использование.

Многоукладность — основа многоклассовости общества, пока не преодолена первая, вторая будет сказываться во всех областях жизни. С каждым из укладов прямо связано существование одного или нескольких (обычно двух) классов. Нередко связь эта весьма специфична (точнее, незнакома по истории Запада), как, например, у натурально-патриархального и мелкотоварного уклада с классом феодальных помещиков. Тут отдельные группы сельских тружеников, объединяемые общим сословным наименованием — крестьяне, противостоят феодальному классу эксплуататоров. Особенность данных укладов (прежде всего мелкотоварного) и классов, базирующихся на них, состоит, в частности, в том, что более или менее полное уничтожение класса феодалов ведет не к развалу натурально-патриархального и мелкотоварного укладов, а к изменению общих условий их эволюции. На предшествующих этапах исторического развития подобные перемены приводили в конце концов к новому воспроизводству феодальных отношений, к выделению нового слоя феодального класса.

В известной мере аналогичный процесс наблюдался и на начальных этапах колониального порабощения. В настоящее время из-за кардинальных сдвигов в общей социально-экономической обстановке (главным образом из-за появления других укладов) меняются и общие тенденции эволюции этих двух укладов и зависимых от них классов. Иначе стали решаться и взаимоотношения натурально-патриархального и мелкотоварного укладов. В новых условиях в них открываются новые социальные потенции, которые тоже связаны с двумя основными вариантами социально-экономической эволюции, а не с одним (капиталистическим), как было принято думать до недавнего времени. В результате происходит накопление элементов борьбы уже внутри этих укладов. Конечно, реализация той или иной потенции обусловливается ком-

бинацией определенных внешних для этих укладов факторов и условий.

Натурально-патриархальный и мелкотоварный уклады в подавляющем большинстве стран третьего мира и сегодня еще теснейшим образом переплетены. По всей вероятности, полное отмежевание и формирование «чистого» мелкотоварного уклада никогда в этой части земли не произойдет (хотя теоретически оно допустимо). Но уже нынешний «нечистый» уклад, наличествующий во всех отраслях экономики, составляет основу существования самого *многочисленного* и в какой-то мере самого важного класса на данных этапах эволюции большинства государств третьего мира — *мелкой буржуазии*.

Этому классу здесь также присущи серьезные отличия, которые обязательно нужно исследовать, чтобы разобраться в действиях класса и его многочисленных групп. Свойственная всякой мелкой буржуазии экономическая и прочая дробность тут особенно велика. Однако, пожалуй, главнейшая ее особенность на данном этапе — продолжающийся рост и (хотя очень противоречивое) укрепление позиций в ведущих сферах общественной жизни многоукладных стран. Разумеется, этот процесс протекает предельно неравномерно и в разных государствах наблюдается различная степень влияния данного класса.

Другие уклады порождают принципиально иные взаимодействия с возникающими на их основе классами. Это характерно для всех разновидностей капиталистических укладов, своеобразие которых весьма значительно. Классовое деление и классовая борьба в рамках таких укладов для нас более понятны, и они действительно по сравнению с неантагонистическими укладами представляют более высокий тип общественных отношений. Для всех этих укладов типично разграничение на наемных рабочих и присвоителей прибавочной стоимости.

В каждом капиталистическом укладе заключены существенные отличия, проникающие во все поры общественных явлений, базирующихся на соответствующем укладе. Перед нами предстают как причина, так и следствие принципиальной дробности укладов и связанных с ними классов, отражение продолжающегося процесса формирования связанных с ними классов и одновременно их раздробленности. Складывание пролетариата и буржуазии идет через консолидацию их отдельных, за-

частую относительно изолированных, а нередко противостоящих друг другу групп. С каждым таким укладом связаны и определенные отряды рабочего класса и буржуазии, каждый со специфическими интересами, отличающими их от собратьев по классу.

Значительная дробность капитализма в третьем мире исключает огульный подход к нему и в научно-теоретическом и в практическом плане. Сваливание в кучу весьма различных капиталистических укладов, играющих разную роль в экономической жизни и классовой борьбе и обладающих неодинаковыми социально-экономическими потенциями, фактически отмечалось не только в литературе. В развертывающейся ныне в третьем мире социальной битве отдельные капиталистические уклады и связанные с ними классовые группы выступают не на одной, а по разным сторонам баррикады. Вот почему выделение особых капиталистических укладов — это не абстрактно-академические построения, а отражение существенного явления жизни многоукладных государств, необходимое средство для подлинно научного познания их общественной эволюции и позитивного воздействия на нее.

Одним ударом уничтожить (трансформировать) все капиталистические уклады в третьем мире невозможно, а с социально-хозяйственной точки зрения и вредно. Капитализм здесь преодолевается посредством напряженной классовой борьбы (в том числе, разумеется, и политической) постепенно, по мере максимально допустимого использования всех позитивных потенций его «частей». Внешняя парадоксальность социально-экономического развития многоукладного общества заключается в том, что оно само, в частности под влиянием специфического развития капитализма, неизбежно ставит дилемму: либо серьезно ущемить, либо ликвидировать определенный капиталистический уклад. В зависимости от состояния всего комплекса классовой борьбы в конкретной стране очередной общественный кризис будет разрешаться кардинально или реформистски, или сверх радикально, т. е. на определенный промежуток времени будут реализовываться разные варианты социально-политической эволюции.

Исследование, которое не замечает или игнорирует необходимость доведения анализа многоукладности до признания наличия нескольких капиталистических укладов,

мало что дает и для понимания специфики развития многоукладных государств. Определенное поэтапное изживание или трансформация капиталистических укладов обычно начинались или начинаются с иностранного монополистического предпринимательства на местной почве. Борьба против его экономических позиций, как известно, развертывалась еще до достижения политической независимости. Его судьба зависит от того, какие классы и в каких условиях приходят к власти. Если таким классом оказывается национальная буржуазия (особенно при союзе с другими имущими прослойками), данный уклад не уничтожается, а постепенно серьезно видоизменяется, а в некоторых отраслях экономики исчезает. При победе других, более радикальных слоев национальной буржуазии или, что качественно отлично, представителей трудящихся классов его решительно ограничивают и даже полностью ликвидируют, материальная база же его образует фундамент нового уклада — госсектора. (В скобках добавим, что проблема привлечения иностранного капитала для нужд национального строительства тем не снимается, а ставится в иной плоскости.)

Даже такая, казалось бы, понятная категория, как классовая борьба, обладает здесь огромной спецификой, не уяснив которую нельзя правильно разобраться в существе и в деталях классовых сражений третьего мира. В «привычных» условиях «чистой» или господствующей антагонистической формации основные битвы происходят между эксплуатируемым и эксплуататорским классами данного общества. Мы знаем, что в рабовладельческом обществе решающая схватка протекала между рабами и рабовладельцами, в феодальном — между феодалами и крестьянством (плюс трудящиеся слои города), в капиталистическом — между капиталистами и пролетариатом. Для марксиста — это азбука. В условиях многоукладности картина иная: здесь причудливо переплетаются неантагонистические и антагонистические уклады, такие, с которыми связаны непримиримые по противоположности интересы классы.

В многоукладном (переходном) типе общества мы сталкиваемся не просто с иными объектами и формами классовой борьбы, хотя они предельно разнообразны и специфичны (и, естественно, нуждаются в изучении). Положение неизмеримо усложняется тем, что и уклады и

порожденные ими классы не отгорожены друг от друга китайской стеной, а сложнейшим образом взаимодействуют. В многоукладной стране разные прослойки крестьянства не изолированно воюют с соответствующими группировками помещиков, а рабочие — с капиталистами и т. д. Еще в большей мере это относится к имущим классам. А ведь именно подобную идею, по сути дела, проповедовали русские меньшевики и деятели II Интернационала, когда отрицали возможность широкого союза трудящихся классов и уповали на прогрессивность буржуазии.

Их позиция, пускай теоретически не осмысленная, опиралась на убеждение, что, пока существует многоукладность, за социализм бороться утопично и потому вредно, что нужно содействовать победе либеральной буржуазии, как лучшему выразителю интересов капиталистического уклада, победа и последующее развитие которого, уже в качестве капиталистической формации, создаст необходимые условия для продвижения к социализму. Ленин первый научно-теоретически доказал несостоятельность этой карикатуры на марксизм, что расчистило дорогу для осуществления революционной практики.

Творческое использование опыта революционной борьбы в нашей стране и ее ленинского анализа имеют огромное значение для прогрессивных сил сегодняшних многоукладных государств: это позволяет им лучше ориентироваться и выбирать вернейший путь в противоречивой и запутанной действительности третьего мира.

Осознание наличия нескольких социально-экономических укладов, многих классов и прослоек неизбежно порождает вопрос: какое же классовое противоречие главное? Для отдельных антагонистических укладов ответ ясен — классовое деление, характерное для данного уклада. Проблема возникает именно тогда, когда *все* уклады и *все* классы берутся в комплексе. Определенные классы (или их прослойки) возникают в пределах определенных укладов, но их интересы и очерчиваемая ими сфера классовой борьбы гораздо шире. Подобное положение также осознается довольно легко. Трудности появляются по мере приближения к объектам классовых столкновений за рубежами своих укладов.

Развитие многоукладного общества — следствие сложного взаимодействия *внутри-* и *межукладных* противоречий, реализующихся через соответствующие виды клас-

совой борьбы. Специфика ее в том, что принципиальное разрешение задач конкретного уклада, обычно связанных с вопросом, быть ему (либо важнейшим атрибутам его политического бытия) или не быть, становится на какое-то время центральным для всего общества.

Последнее не стоит без движения, оно проходит определенные этапы качественных изменений. Конечно, в разных странах этот процесс протекает крайне неравномерно. Один и тот же в принципе этап может обрастать местной спецификой, охватывать неодинаковые периоды времени, завершаться не совсем схожими результатами. И все же каждый этап решает свои задачи и обладает своими, только ему присущими признаками. Таковыми являются основной объект классовой борьбы и определенная расстановка классовых сил. Поэтому выяснение главного классового противоречия непосредственно связано с изучением соответствующего этапа в движении многоукладности. К сожалению, анализ действительности третьего мира под этим углом зрения лишь намечается. Сравнительная научная классификация (особенно детальная) его противоречивых социально-экономических и политических явлений, воссоздание схемы его «двигателя» — еще только цель и мечта исследования. Пока же идут поиски научных подходов к ее достижению.

Что касается классовой борьбы в многоукладном обществе, то ее важнейшее своеобразие выражается, во-первых, в «двуслойности», ибо она ведется внутри и вне уклада, во-вторых, в объективной *разбивке всех классов и их важнейших прослоек на коалиции и в противоборстве последних*. В повседневной жизни эти два аспекта тесно переплетаются, чего не найти в «чистой» формации. Диалектическая связь их, известная трансформация при рассмотрении одного из них, путала не одного исследователя. Таким образом, прямое приложение схемы классовой борьбы в чистом антагонистическом обществе (класс против класса) к действительности многоукладных стран неправомерно, ибо здесь группа классов (или их прослоек) выступает по важнейшим проблемам нации против коалиции других классов или их слоев. Для определенных этапов развития общества в третьем мире характерно размежевание отдельных прослоек одного и того же класса (например, буржуазии) по различным лагерям.

Подобный подход позволяет увидеть, что основное сра-

жение идет, как правило, между классами, связанными с разными укладами. В этом, вероятно, заключается определенная закономерность переходного периода, периода становления новой общественной формации. Однако многоукладность придает и другую особенность классовой борьбе в этой части земного шара. Дело в том, что столкновение различных классовых коалиций сопровождается (перекрещивается) борьбой за лидерство в собственной коалиции. В той из них, которая отстаивает старое в социальном строе, драка за первенство почти без исключений разворачивается между представителями консервативных имущих классов (или прослоек). Иная ситуация складывается в противоположном лагере. Тут выявляется принципиальное различие между претендентами на руководство: одни — представители имущих слоев, другие — трудящихся классов. Естественно, что задачи конкретного этапа движения многоукладности могут не только решаться неодинаково, но и приводить к неодинаковым вариантам последующей социально-экономической эволюции. Огромное значение подобной ситуации для революционной практики было впервые научно обосновано В. И. Лениным. Буржуазно-демократические задачи революции в России были решены не при гегемонии буржуазии, а под главенством рабочего класса. Несмотря на все качественное отличие стран третьего мира, этот опыт революционной теории и практики предельно поучителен для них и сегодня.

Надо сказать, что некоторые авторы, занимающиеся отдельными проблемами **Востока**, к сожалению, до настоящего времени заметно страдают своеобразным дальтонизмом, мешающим увидеть в многоукладном обществе класс мелкой буржуазии и преодолеть робость даже при употреблении этого термина. Как известно, В. И. Ленин многократно подчеркивал, что в капиталистическом и полукапиталистическом обществе мелкая буржуазия — один из основных классов и главный ее представитель — крестьянство. Он отмечал также, что игнорирование данной истины приводит к тяжелейшим ошибкам (особо в политике) и что, в частности, в России этим грешили в первую очередь идеологи и представители самого класса мелкой буржуазии.

Почему же отмеченная слепота сказывается при изучении многоукладных государств современного третьего мира? Теоретическая основа подобного огреха, на наш

взгляд, двойка: во-первых, «традиционно» не замечалась важность ленинской теории многоукладности и необходимость ее творческого применения при анализе действительности третьего мира. Поэтому объективно обходился и факт существования мелкотоварного уклада (указывалось иногда на его отдельные стороны или «проявления») и класса, базирующегося на нем. Во-вторых, очевидно, считалось, что мелкотоварный уклад на Востоке не успел сложиться (так сказать, опоздал на поезд истории) или *уже* кардинально размыт. Вероятно, оттого же проблема середняка, например, замечается преимущественно лишь в связи с развитием капитализма (т. е. *иного* уклада) в деревне. При таком подходе мелкотоварный уклад (если признается факт его бытия, пусть без употребления самого термина) — в лучшем случае уклад прошлого и его не очень следует принимать во внимание в настоящем. В результате создается парадоксальное положение — упоминается (признается?) только городская мелкая буржуазия, т. е. наименьшая часть класса. (Причем нередко в его ряды зачисляют малосостоятельных представителей другого класса — национальной буржуазии).

Предположение (вольное или невольное), что мелкотоварный уклад и связанный с ним класс быстро отмирают — очень серьезное заблуждение. Ныне в многоукладных государствах Востока весь комплекс условий резко отличен от обстановки в капиталистически развитых странах Запада (от упрощенной оценки эволюции и места мелкой буржуазии В. И. Ленин предостерегал и в этом случае). В целом мелкотоварный уклад (и соответственно мелкая буржуазия) имеет в подавляющем большинстве многоукладных стран значительные потенции для развития. Пока это — растущий уклад и класс, что не исключает протекающих и сейчас процессов их размытия. В данной работе можно лишь бегло упомянуть, что пути прогрессивной перестройки данного уклада и класса пролегают в подавляющем большинстве случаев через их серьезное укрепление на какой-то промежуток времени. Ведь всякое последовательное ограничение или уничтожение феодально-помещичьей собственности, феодальных и сходных методов эксплуатации, торгово-ростовщической кабалы и ряда иных реакционно-консервативных явлений особенно ощутимо (не только в экономике), как правило, приводит к расширению и укреплению интересующего нас уклада и класса (и его влияния).

Не менее важна и политическая сторона проблемы. Бегло отметим тут самые общие моменты. Мелкая буржуазия или социальные слои и прослойки, по своему общественному положению примыкающие к ней, — основной массовый союзник пролетариата в борьбе как за достижение возможных демократических, прогрессивных реформ внутри досоциалистического строя, так и за его преодоление и построение нового, социалистического общества. Формы, методы, цели этого союза всегда конкретны, как конкретны организации и движения, представляющие его. В ходе борьбы за единство основных трудящихся классов в разнообразных политических условиях отдельных стран Востока непрерывно появляется много нового. Представляется, что дебаты о путях демократических и социалистических преобразований, о реформе и революции, о характере власти и этапах развития отдельных многоукладных государств и о многом ином в чем-то кардинальном будут неполноценны, если не включают в себя конкретного анализа состояния и позиций мелкой буржуазии в третьем мире.

Научный социализм, творчески примененный к специфическим условиям третьего мира, уже кое-где дает зримые результаты в деле прогрессивных структурных изменений в обществе. Проведение назревших радикальных преобразований приближает эти страны не к капитализму, а к социализму. Не удивительно, что некоторые из них вступили на путь социального развития, именуемый некапиталистическим.

В третьем мире *нашлись и классовые силы*, выступающие за некапиталистическую, социалистическую ориентацию общественного развития. Конечно, структура трудящихся классов, да и самого пролетариата, как уже упоминалось, в третьем мире принципиально иная, чем на Западе. В рядах пролетариата преобладают его нефабричные отряды, велик слой временных рабочих, сам он порой малочислен и т. д. Превращение пролетариата из класса «в себе» в класс «для себя» происходит здесь иначе и в большинстве случаев еще далеко от завершения. В целом среди трудящихся доминируют непролетарские, чаще всего мелкобуржуазные слои. Они подвергаются жесточайшей эксплуатации со стороны иностранных монополий и значительной части местных имущих классов. Их экономическое, социальное и политическое положение крайне тяжелое и к тому же неустойчивое. Резкое недо-

вольство старым общественным строем, стремление ниспровергнуть его, революционность и радикализм непролетарских масс в этих странах обычно очень велики. Не случайно также застрельщиками и ведущей силой многих прогрессивных движений и в ряде случаев успешных политических переворотов стали именно эти классовые силы, их организации и отдельные представители.

Пролетариат в принципе олицетворяет наиболее демократично-радикальное начало в эволюции буржуазного общества и в путях перехода к другой формации. Но в конечном счете революционный прогресс определяется реальным соотношением классовых сил, а свобода для маневрирования и выбора у пролетариата зависит как от его собственного веса в обществе, так и от того, насколько крепко и широко с ним сотрудничают другие трудящиеся слои народа. В многоукладных обществах положение в этом смысле, разумеется, особенно сложно.

Прогрессивная и даже революционная роль мелкой буржуазии в третьем мире в наши дни резко возросла. Однако вряд ли было бы правильным в научном отношении и опасно в политическом абсолютизировать эту революционность или делать универсальными некоторые новые качества этого класса (либо прослойки, связанных с ним). В ряде государств Востока значительные слои мелкой буржуазии еще идут за имущими классами. В других, после осуществления важных радикальных преобразований, сказывается опасность левацких загибов, сверхреволюционности, угрожающих в разной мере нормальному развитию прогрессивных преобразований и даже могущих завести их в тупик.

Конечно, различная структура класса мелкой буржуазии и неодинаковая объективная общественная среда дают простор для различного проявления ее политической двойственности в многоукладных государствах. Запутанный клубок проблем возникает и при рассмотрении эволюции основных идеологических течений, отражающих ее интересы и воззрения. Знание этих течений и их главных представителей, вероятно, обязательно для того, чтобы разобраться в конкретном положении, действиях и потенциях мелкой буржуазии определенного государства. Разнообразие здесь особенно велико, ибо обстановка в Индии не похожа на условия, скажем, в государствах Тропической Африки и т. д. Сознание мелкобуржуазных масс пропитано религиозным духом — это правило,

из которого почти нет исключения. Поэтому отношение к религии в известном смысле есть отношение к взглядам верующего классового союзника пролетариата и оно должно быть конкретным и предельно деликатным.

Таким образом, движущие силы революционных изменений общества в третьем мире действительно существенно отличаются от тех, которые наблюдаются на Западе. Примечательна, однако, следующая отчетливая тенденция: чем радикальнее выступают трудящиеся массы против иностранных и местных угнетателей или чем дальше продвигаются отдельные страны по пути социальных преобразований, тем сильнее, осознаннее у них тяга к научному социализму, тем больше они берут у него. Новым свидетельством могущества научного социализма является его способность соединяться с революционными движениями широких непролетарских и полупролетарских трудящихся масс. И для них он становится компасом, указывающим дорогу к новой жизни.

Возникает вопрос: можно ли этого добиться без пролетариата? Какова в таком случае роль рабочего класса? Не принижается, не отрицается ли она? Показывает ли нынешний опыт ряда многоукладных стран, что социализм можно строить без пролетариата? Ведь именно это утверждают некоторые националистические мелкобуржуазные критики марксизма. Подобные утверждения являются и ложными и вредными. Однако сам вопрос правомерен, ибо отражает необходимость в анализе и объяснении новой обстановки. К счастью, догматическое уподобление рабочего движения в капиталистически развитых странах Запада, с его задачами и местом в борьбе, освободительному движению народов третьего мира становится уделом прошлого.

Признание больших революционных потенций непролетарских классовых сил не есть принижение роли рабочего класса. Напротив. Оно отражает увеличившееся разнообразие крепнущей революционной борьбы, которая явилась прямым следствием успехов и побед мирового рабочего класса и его главного детища — социалистической системы. Ведь неслучайно условием возросшей активности крестьянства и других отрядов мелкобуржуазных масс, распада колониальной системы империализма и выхода ряда молодых стран на путь самостоятельного развития было и есть сковывание основных сил мирового капитализма силами мирового социализма, а также движе-

нием рабочего класса на Западе. Мировой пролетариат своим примером стимулирует революционную энергию трудящихся третьего мира и одновременно максимально возможно защищает их от атак и происков реакции. Это, так сказать, *интернациональный* аспект «места» рабочего класса в социальной эволюции многоукладных стран.

Значение «внешнего» фактора — помощи мирового пролетариата продолжает возрастать. Именно от него через прогрессивную интеллигенцию всех государств народы этих стран перенимают идеологию научного социализма. Именно от него и в первую очередь от социалистических государств получают они в возрастающих размерах экономическую, техническую помощь, без которой немыслимо серьезное продвижение по пути прогрессивного развития. От социалистических государств приходит дипломатическая и даже военная помощь, когда им угрожает агрессия империалистических держав. Мировой рабочий класс, социалистические страны — наилучшие и надежные союзники всех прогрессивных, свободолюбивых сил и начинаний в третьем мире.

Однако рабочий класс не только «внешний» фактор в жизни многоукладных государств. Вне зависимости от численности лиц наемного труда или наличия его организаций рабочий класс идет в первых рядах борцов за жизненные интересы нации и всех трудящихся. Там, где свергнута власть верхушки местных имущих классов, где начинают проводить или проводятся радикальные реформы общественного устройства, роль и значение рабочего класса не уменьшается, а увеличивается. Одновременно она и изменяется.

Как показывает история наших дней, непролетарские и полупролетарские массы, их организации и вожди способны на осуществление серьезных изменений вплоть до вступления на путь, открывающий социалистическую перспективу. Прогрессивные потенции этих численно преобладающих трудящихся слоев чем дальше, тем больше могут полнее раскрываться лишь при растущем участии в их действиях и организациях рабочего класса. Было бы очень опасным заблуждением забывать о двойственном характере мелкобуржуазных масс и созданных ими общественных институтов. Опасность резких колебаний, правых или левых перегибов, пассивности или свехреволюционности в подобной обстановке реальна. При неправильной политике она может перерасти в угрозу уже до-

стигнутым успехам, в преграду для дальнейшего продвижения вперед. Борьба за преодоление негативных сторон в мировоззрении и действиях мелкобуржуазных масс, за окончательную победу в них «пролетарского начала», борьба против всяческого сектантства, «левого» и правого догматизма становится на определенном этапе важнейшей задачей рабочего класса.

Для многоукладных стран проблемы хозяйственного возрождения в социальном плане заключаются прежде всего в перестройке и подъеме малопродуктивных укладов: натурально-патриархального, мелкотоварного, а также мелкокапиталистического. Средства разрешения этой *сложнейшей* задачи классово принципиально различны. Однако, как показывает историческое прошлое ныне экономически развитых государств и накопившийся опыт самих многоукладных государств, осуществление подобного комплекса социально-экономических преобразований только внутренними силами, да еще при сохранении политической власти имущих прослоек, ведет к особенно болезненным и затяжным мукам первоначального накопления.

Империалистические монополии объективно и субъективно тормозят необходимую перестройку укладов и тем препятствуют здоровой эволюции производительных сил и производственных отношений в многоукладных странах. В этом особенно проявляется их реакционное влияние на социально-экономическое развитие в третьем мире. Таким образом, из внешнеэкономических отношений двух хозяйственно различных групп стран возникает еще один довод в пользу социализма и планового развития хозяйства на всей планете.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. В. И. Ленин, Лучше меньше, да лучше, — Полное собрание сочинений, т. 45.
2. «General Survey of Trade Prospects and Capital Needs of Developing Countries: Issues and Proposals», October 1967 (TD/34).
3. «Trade Prospects and Capital Needs of Developing Countries. Study Prepared by the UNCTAD Secretariat», New York, 1968 (TD/34/Rev. 1).
4. «The Food Problem of Developing Countries, by Thorkil Kristensen», December 1967 (TD/48).
5. «The Role of Private Enterprise in Investment and Promotion of Exports in Developing Countries, Report by Dirk U. Stikker», New York, 1968 (TD/35/Rev. 1).
6. «Growth and External Development Finance», October 1967, (TD/7/Supp. 1).
7. «Charter of Algiers», November 1967 (TD/38).
8. «Conference on the Application of Science and Technology to the Development of Asia. Draft Final Report», New Delhi, August 1968 (Castasia/4).
9. «The Costs of Aid-Tying to Recipient Countries», November 1967 (TD/7/Supp. 8).
10. «The Development of an International Commodity Policy. Report by the UNCTAD Secretariat», October 1967 (TD/8).
11. «Final Report of the Intergovernmental Group on Supplementary Financing», November 1967 (TD/33).
12. «Increasing the Flow of International Public and Private Capital. Statement by the Director of the New York Office of UNCTAD at the Second Meeting of Third Committee», February 1968 (TD/11/C. 3/L. 1).
13. «The International Division of Labour and Developing Countries», January 1968 (TD/40).
14. «International Trade in Educational and Scientific Materials», December 1967 (TD/47).
15. «Latin America and the Second Session of UNCTAD», January 1968 (E/CN 12/803).
16. «Proceedings of the UNCTAD. Second Session. New Delhi, vol. IV. Problems and Policies of Financing», New York, 1968 (TD/97, vol. IV).
17. «The Outlook for Debt Service», October 1967 (TD/7/Supp. 5).
18. «The Problem of Identifying the Least Developed among the Developing Countries. Report by UNCTAD Secretariat», January 1968 (TD/17/Supp. 1).
19. «Problems Arising from the Development of Synthetics and Substitutes. Report by the UNCTAD Secretariat», November 1967 (TD/27).

20. «Programme for the Liberalization and Expansion of Trade in Commodities of Interest to Developing Countries. Report by the UNCTAD Secretariat», November 1967 (TD/11).

21. «Programme for the Liberalization of Non-Tariff Barriers in Developed Countries on Products of Export Interest to Developing Countries», November 1967 (TD/20/Supp. 1).

22. «Proceedings of the UNCTAD. Second Session, New Delhi, vol. II. Commodity Problems and Policies», New York, 1968 (TD/97, vol. II).

23. «Review of Recent Developments and Long Term Trends in World Shipping. Report by the UNCTAD Secretariat», December 1967 (TD/31).

24. «Review of the Trade in Manufactures and Semi-manufactures. Report by the UNCTAD Secretariat», October 1967 (TD/10/Supp. 1).

25. «Review of the Trade in Manufactures and Semi-manufactures», October 1967 (TD/10).

26. «Second Session Working Group I. Excerpts from Statements made in Plenary Meetings 11 to 18 February 1968 on the Subject of Agenda item 9(f)» (TD/11/WG. I/Conf. Room Paper 1).

27. «Special Measures to be Taken in Favour of the Least Developed among the Developing Countries Aimed at Expanding their Trade and Improving their Economic and Social Development», November 1967 (TD/17).

28. «Suppliers' credits — Rediscounting Facilities for Exports from Developing Countries. Report by the World Bank Staff», February 1968 (TD/7/Supp. 16).

29. «Towards a Global Strategy of Development. Report of the Secretary-General of UNCTAD», January 1968 (TD/3).

30. «Trade Negotiations among Developing Countries», February 1968 (TD/15/Supp. 5).

31. «The Transfer of Technology to Developing Countries, with Special Reference to Licensing and Know-How Agreements», November 1967 (TD/28/Supp. 1).

32. «The Transfer of Technology to Developing Countries, with Special Reference to Licensing and Know-How Agreements. Summary of the Study Prepared...», November 1967 (TD/28).

33. «Developing Countries and the Food Problem. Report by the UNCTAD Secretariat», January 1968 (TD/55).

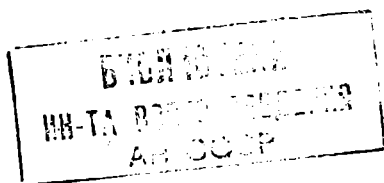
34. «UNCTAD Commodity Survey 1967, Parts I and II. Note by the UNCTAD Secretariat», January 1968 (TD/B/C. 1/46).

35. «The World Food Problem in Relation to International Trade, Export Earnings and Economic Development of Developing Countries. Report by the FAO Secretariat», January 1968 (TD/22).

36. «Review of Recent Developments and Long Term Trends in World Shipping. Report by the UNCTAD Secretariat. Addendum», January 1968 (TD/31/add. 1).

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Народонаселение третьего мира	16
Аграрно-сырьевая специализация	20
Продовольственная проблема	31
Диверсификация	37
Внутреннее накопление	43
Внешнее финансирование	50
Морской транспорт	60
Внешнеторговые связи между многоукладными странами	71
Знания и кадры	83
Многообразие третьего мира	93
Заключение	101
Список использованной литературы	118

Алексей Иванович Левковский

ТРЕТИЙ МИР В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ (Некоторые проблемы социально-экономического развития многоукладных государств)

*Утверждено к печати
Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР*

Редактор *Л. Ш. Фридман*
Технический редактор *Н. А. Суровцова*
Корректор *В. М. Кочеткова*

Сдано в набор 6/III 1970 г.
Подписано к печати 29/V 1970 г.
А-02065. Формат 84×108¹/₃₂ Бум. № 1.
Печ. л. 3,75. Усл. печ. л. 6,3.
Уч.-изд. л. 6,75. Тираж 12 000 экз.
Изд. № 2596 Зак. 299.
Цена 43 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»

3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, В. Кисельный пер., 4

Цена 43 коп.

299-79-93
Д. 199